A 19 S/14
1-4

A 19 5/14

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КНИГИ,

изданныя на пожертвованныя деньги:

1) О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ **К. Бестужева-Рюмина.**

2) О Владимірѣ Мономахѣ и о потомкахъ его Мономаховичахъ или о временахъ княжескихъ усобицъ **К. Бестужева-Рюмина.**

3) О злыхъ временахъ Татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ **К. Бестужева-Рюмина.**

4) Ученіе Господа нашего Іисуса Христа о молитвѣ и о путяхъ къ блаженству.

5) Святая земля во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.

6) Какъ надо жить, чтобъ бѣду избыть.

7) Какъ надо жить, чтобы добро нажить или о Трудѣ.

8) Какъ спасать и спасаться отъ скоропостижныхъ смертныхъ случаевъ безъ помощи врачей и знахарей **Н. Глинскаго.**

9) О русской землѣ **С. Максимова.**

10) О русскихъ людяхъ **С. Максимова.**

11) Край Крещенаго свѣта. I. Мерзлая пустыня или повѣсть о дикихъ народахъ, кочующихъ съ полуночной стороны Россіи **С. Максимова.**

12) Край Крещенаго свѣта. II. Дремучіе лѣса или разсказъ о дикихъ народахъ населяющихъ русскіе лѣса **С. Максимова.**

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» на счетъ суммъ, пожертвованныхъ для народныхъ книгъ.

КРАЙ КРЕЩЕНАГО СВѢТА.

II.

ДРЕМУЧІЕ ЛѢСА

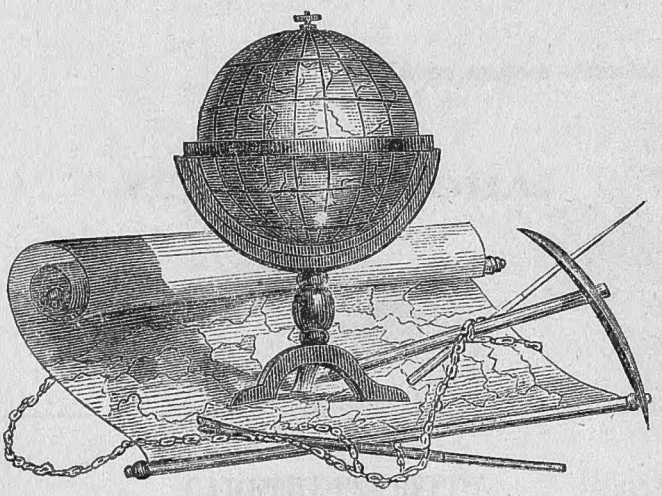
ИЛИ

РАЗСКАЗЪ О НАРОДАХЪ,

НАСЕЛЯЮЩИХЪ РУССКІЕ ЛѢСА.

Какова природа—таковы и люди.

С. МАКСИМОВА.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, № 5.

1866.

КРАЙ КРЕЩЕНАГО СВѢТА.

II.

ДРЕМУЧІЕ ЛѢСА

ИЛИ

РАЗСКАЗЪ О НАРОДАХЪ,

НАСЕЛЯЮЩИХЪ РУССКІЕ ЛѢСА.

Какова природа — таковы и люди.

С. МАКСИМОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1866.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ, 26 октября 1865 года.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, у Круглаго рынка, № 5.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 16091
S. VI 1938

I.

ДРЕМУЧІЕ ЛѢСА.

Въ уймѣ не безъ звѣря.

Пословица.

Лѣса — это украшеніе земли и сокровищница водъ — обильно покрываютъ большую часть нашего громаднаго и разнообразнаго отечества. Въ глуши ихъ родились всѣ наши длинныя, широкія и многоводныя рѣки; въ нихъ получаютъ свою пищу всѣ тѣ свѣтлыя и крупныя озера, которыя на сѣверѣ идутъ сплошными рядами, въ неразрывной цѣпи на нѣсколько сотенъ верстъ. Въ лѣсахъ появились первыя пашни и въ нихъ человѣкъ впервые могъ стать осѣдлымъ: лѣса пособили людямъ построить первыя постоянныя жилища, они же доставляютъ людямъ обильную, сытую и подручную пищу. Выгоды лѣсовъ неизчислимы и польза отъ нихъ на столько велика и очевидна, что давно и всѣ согласились съ тѣмъ, что лѣса составляютъ богатство Россіи. Разчищенныя лѣсныя чащи укрѣпили русскій народъ (несмотря на всѣ невзгоды суровой и холодной природы), въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бродили прежде только дикіе звѣри, да прилетали на время перелетныя птицы. Неразчищенные лѣса или дремучіе боры, уймы, тайболы, тайги еще до нашихъ дней держатъ окрестный народъ въ полукочевомъ состояніи.

Успѣвши отучить народъ отъ постояннаго кочеванья съ мѣста на мѣсто, дремучіе лѣса нашей сѣверной Россіи и Сибири ждутъ только разчистки пашенъ, чтобы въ конецъ усадить народъ на одномъ мѣстѣ. До тѣхъ поръ жизнь лѣсныхъ обитателей не будетъ походить на житье-бытье людей русскихъ и лѣсные скитальцы все-таки будутъ оставаться дикарями. Для дикой жизни—въ дремучихъ лѣсахъ большое приволье. Въ Сибири лѣса совсѣмъ нетронуты, оттого тамъ и народовъ дикихъ удержалось больше; въ Россіи кочевые народы мало-по-малу начинаютъ нравами и обычаями приближаться къ русскимъ: давно разчищаютъ лѣса и для того, чтобы заводить пашни и для того, чтобы строить постоянныя избы и жить въ селеніяхъ.

Лѣса, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, начинаютъ расти сейчасъ тамъ, гдѣ кончается мерзлая тундра. Лишь только земля успѣваетъ таять лѣтомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы дерево могло укрѣпиться и прорости своими сложными и раскидистыми корнями, — лѣса покрываютъ землю тамъ, гдѣ земля не разрыхлена обильной влагой и не является болотной трясиной или зыбуномъ. Въ мерзлой тундрѣ кустарники ивы или можжевельника, березы или тальника, разстилаютъ свои тонкіе стволы по поверхности земли и прячутся подъ покровомъ мховъ и лишаевъ. Но лишь только холодъ леденящихъ вѣтровъ потерялъ свою силу и не мѣшаетъ росту деревьевъ: деревья встаютъ во весь свой стройный ростъ, обростаютъ огромныя пространства земли цѣлыми общинами, гдѣ каждое дерево встаетъ на

защиту сосѣдей и всѣ вмѣстѣ, громаднымъ строемъ своимъ, упорно стоять противъ всѣхъ бурь и невзгодъ, насылаемыхъ на нихъ вражеской силой пустынной тундры.

Прежде всего и ближе къ тундровымъ трясинамъ выростаютъ лѣса хвойные: либо сосна, либо ель идутъ на нѣсколько сотенъ верстъ, не мѣшаясь ни съ какимъ другимъ лѣсомъ. И если не прошелъ тутъ лѣсной пожаръ, пущенный злой рукой или по неосторожности, хвойные лѣса растутъ неизмѣнно. Но послѣ пожара почва, удобренная золой, всегда произращаетъ березу: березникъ встаетъ на смѣну боровъ. Эти три вида деревьевъ попадаются всего чаще въ тѣхъ лѣсахъ, которые образуютъ громадную грань тундры и опушку лѣсной полосы Россіи. Но какъ сосна и ель, такъ и береза на полуночныхъ окраинахъ лѣсной полосы медленно растутъ въ толщину и представляютъ стволы до того дряблые, что достаточно легкаго толчка, чтобы переломить ихъ. Короткихъ лѣтнихъ жаровъ хватаетъ только на то, чтобы выгнать молодые побѣги, которые выростаютъ въ ущербъ древесины. Такъ лиственницы, которыя появляются въ сосѣдствѣ другихъ хвойныхъ деревьевъ, на окраинѣ лѣсной полосы почти совершенно лишены вѣтвей, иногда на стволѣ въ 2 или 3 сажени. Одинъ только дубъ, защищенный корой, устаиваетъ противъ сильныхъ холодовъ; но за то онъ и не частый гость въ крайныхъ лѣсахъ сѣверныхъ, а въ Сибири онъ и совсѣмъ пропадаетъ: дубовъ въ Сибири нѣтъ вовсе, а съ ними нѣтъ тамъ ни вяза, ни клена, ни ясени. Но какъ въ Сибири, такъ и

въ Россіи хвойные лѣса неизмѣримы и всегда представляютъ одинаковую картину: въ еловыхъ лѣсахъ почва покрывается бѣлыми лишаями и зелеными мхами; въ сосновыхъ лѣсахъ на почвѣ выростаютъ мелкія деревья или кусты березы, можжевельника, вербы, черники, клюквы, голубики и другихъ. Елью обростаютъ самыя высокія и болѣе крупныя горы; на горахъ меньшей высоты она уступаетъ свое мѣсто пихтѣ; часто оба эти вида деревьевъ перемѣшиваются въ большихъ лѣсахъ. И самые большіе, такъ называемые дремучіе лѣса нашей Россіи—лѣса хвойные. Они покрываютъ бо́льшую часть Россіи и Сибири и до той поры, пока не осилятъ ихъ лѣса лиственные представляютъ пустыню, неудобную къ поселеніямъ, неспособную дать мѣсто осѣдлымъ народамъ. Хвоя, осыпаясь на землю, приготовляетъ такую почву, которая не пригодна ни къ какой растительности; въ особенности мертвятъ всякую почву твердыя, смолистыя, трудно-гніющія иглы ели. Къ тому же ель всегда образуетъ густые, непролазные лѣса и покрывается до того широкими вѣтвями, что сквозь нихъ не проникаютъ и животворные, все оживляющіе лучи солнца. Хвойные лѣса не приготовляютъ и почвы, въ нихъ и подъ защитою вѣтвей ихъ сберегается и все то обиліе влаги и сырости, которая такъ сильно обездолила нашу сѣверную лѣсную Россію. Ко всему этому природа снабдила хвойныя деревья сильнымъ ростомъ. Быстро выростая, хвойныя деревья замедляютъ ростъ деревьевъ лиственныхъ. Оттого-то всегда лиственные лѣса являются только какъ бѣдное подлѣсье при хвойныхъ и смѣ-

няютъ ихъ не прежде, когда хвойныя деревья, въ силу закона природы, достигнутъ предѣла своей жизни, прогніютъ и свалятся бурей, сгорятъ отъ огня или падутъ отъ топора догадливыхъ и опытныхъ лѣсныхъ хозяевъ. Какъ вырождаются людскіе роды и народы, замѣщаясь свѣжими дотолѣ не выступавшими и молодыми силами, такъ и на смѣну старыхъ и мертвыхъ лѣсовъ хвойныхъ, вѣчно темнозеленыхъ, скупо мѣняющихъ нарядъ, выростаютъ лиственные лѣса, которые сбрасываютъ прошлогодній нарядъ для того, чтобы въ перегноѣ листвы приготовить въ почвѣ на будущій годъ свѣжую силу. Сила эта пригодилась людямъ на то, чтобы въ расчистяхъ лиственныхъ лѣсовъ стать изъ кочевниковъ-звѣролововъ осѣдлыми земледѣльцами. Вмѣсто того, чтобы сторониться и бояться сосѣда, какъ соперника, народы начинаютъ жить селеніями и городами въ кучкахъ и обществахъ, на взаимную пользу и на пущее преуспѣянье. Въ хвойныхъ лѣсахъ нашей Россіи, а въ особенности въ лѣсахъ Сибири и до сихъ еще поръ цѣлые народы живутъ дикарями, стараясь жить особнякомъ. Въ Россіи обитатели хвойныхъ лѣсовъ, каковы чухны, корелы, зыряне, вотяки, чуваши, мордва, черемисы, стали мало-по-малу отвыкать отъ кочевой и бродячей жизни. Въ Сибири жители тамошнихъ дремучихъ лѣсовъ, какъ: вогулы, тунгусы, якуты, камчадалы и жители прибрежьевъ Амура, все еще дикари, все еще находятъ для себя много подспорья къ тому, чтобы осѣдлой жизни на мѣстѣ предпочитать жизнь бродячую по лѣсамъ и тайгамъ своей родины. Непочатые сибирскіе лѣса предлагаютъ къ тому богатыя

средства: и сибирскіе лѣсные дикари все еще продолжаютъ стрѣлять пушнаго звѣря на деревьяхъ той тайги, изъ почвы которой русскіе люди давно уже старательно промываютъ золото.

Лѣса Россіи, отъ неправильнаго хозяйства и постояннаго истребленія, стали исчезать даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно существовали непроходимыя дебри. Недавно измельчали лѣса даже въ такихъ дальныхъ мѣстахъ, гдѣ давно водились рѣдкостные и дорогіе пушные звѣри. Пушной звѣрь сталъ уходить въ сибирскія трещи, и отъ русскихъ звѣролововъ послышались жалобы на скудость промысла и заработковъ. Лѣсъ поднялся въ цѣнѣ и на лѣса пала заповѣдь; за вырубку заповѣдныхъ лѣсовъ положено наказаніе,—самовольная порубка названа преступленіемъ. За лѣса вступился законъ, и правительство стало думать и заботиться объ ихъ сохраненіи, положило награды за разведеніе новыхъ и за правильное хозяйство и сбереженіе старыхъ. Только сибирскіе лѣса продолжаютъ сохранять свой старый видъ и свои вѣковѣчныя добродѣтели. Широкой, мрачной стѣной стоятъ сибирскіе лѣса на всемъ протяженіи своемъ отъ лѣсистыхъ Уральскихъ горъ, отдѣляющихъ Сибирь отъ Россіи, до горъ прорѣзающихъ полуостровъ Камчатку и круто оступающихся въ соленыя воды дальняго Великаго океана. Разъ только уступили они свое мѣсто въ тобольской губерніи знаменитымъ Васьюганскимъ болотамъ, которыя на протяженіи 600 верстъ покрыты безчисленнымъ множествомъ озеръ, болотъ и зыбуновъ, неподнимающихъ не только ноги человѣка, но даже и ло-

ся. Доступныя только зимой на лыжахъ, покрытые весной, какъ море, водой и посѣщаемые только медвѣдемъ—охотникомъ до ягодъ и людьми на ходуляхъ—охотниками до болотной птицы, Васьюганскія трясины окружены возвышенностями. По нимъ потянулись сибирскіе лѣса въ видѣ вѣковыхъ, непроходимыхъ и дремучихъ урмановъ и всей своей неоглядной массой на востокъ Сибири. Тамъ деревья сидятъ такъ близко одно къ другому, что вѣтви ихъ не пропускаютъ ни единаго луча солнечнаго; земля, загроможденная валежникомъ, пропитана непросыхающею сыростью. Лѣса превращаются въ трещу, доступную только зимою на лыжахъ и называются тайгою вездѣ тамъ, гдѣ хвойныя деревья покрываютъ горные хребты, такъ что нѣтъ прохода ни конному, ни пѣшему. Самыя птицы не любятъ этихъ трущобъ и изъ дикаго звѣря водится только мелкій, каковы летучая бѣлка—летяга и бурундукъ. Крупный звѣрь здѣсь не найдетъ себѣ пищи и потому не бываетъ; даже палы или безпощадные лѣсные пожары глохнутъ въ чащахъ этихъ и на нихъ прекращаются.

Обростая по опушкамъ березой, по берегамъ рѣчекъ калиной, вербой, ветлой, ивой и рябиной, густые, дремучіе лѣса охотливо поднимаются на горы Становаго хребта и вмѣстѣ съ нимъ уходятъ въ самую глубь Сибири. И только по приближеніи къ мерзлой тундрѣ и стужѣ Полярнаго моря, они начинаютъ мельчать, рѣдѣть, дрябнуть стволомъ, пока наконецъ въ терпѣливыхъ березкахъ, тальникѣ и можжевельникѣ не приникнутъ къ землѣ и не скроютъ-

ся въ моховыхъ подушкахъ мерзлой пустыни нашего сѣвера.

Сибирскіе лѣса состоятъ изъ сосны и ели, которая отличается отъ всѣхъ другихъ породъ этого дерева. Рядомъ съ сосной растетъ ея вѣрная спутница, пихта — одно изъ самыхъ распространенныхъ деревъ въ Сибири. Вмѣстѣ съ сосной тянется долговѣчная, живучая лиственница; а гдѣ сосна и пихта, тамъ выростаетъ превосходное дерево — сибирскій кедръ, который въ Россіи составляетъ рѣдкость; но и въ Сибири, къ сожалѣнію, рѣдко растетъ сплошнымъ лѣсомъ. По необычайной легкости своей хорошо пригодное для рѣчныхъ судовъ, дерево сибирскаго кедра обладаетъ еще тѣмъ драгоцѣннымъ свойствомъ, что приноситъ плоды — шишки съ орѣхами. Плоды эти не только услаждаютъ и сокращаютъ досужее и докучное время сибирячекъ, но главнымъ образомъ питаютъ несмѣтныя стада бѣлокъ. Бѣлки даютъ столь распространенный и теплый мѣхъ, который оттого и любимый, что дешевъ; оттого и дешевъ, что кедровые сибирскіе лѣса не перестаютъ воспитывать этого веселаго, шаловливаго и рѣзваго звѣрька. Прыгая съ дерева на дерево, бѣлки ищутъ пищу въ лиственичныхъ губкахъ или шишкахъ кедровъ и другихъ хвойныхъ деревьевъ. Иногда цѣлыми стаями переплываютъ, поднявъ какъ паруса свои пушистые хвостики, черезъ большія рѣки, когда выгонитъ ихъ лѣсной пожаръ или неурожай кедровыхъ орѣховъ. Лѣтомъ бѣлки хлопочутъ о запасахъ, которые хоронятъ въ древесныхъ дуплахъ подлѣ гнѣздышка изъ моху и прутиковъ. Въ него ложится на зиму

бѣлка и засыпаетъ, если не подвернулась осенью на пулю охотника, не попала въ его западню, не завязла въ силкахъ. Говорятъ, что 15 милліоновъ шкурокъ этого звѣрька каждый годъ потребляется Сибирью и Россіей, сбывается въ Европу и особенно въ Китай. Въ русской бѣлкѣ къ сѣрому цвѣту примѣшивается краснина и эта бѣлка-зырянка почитается низшимъ сортомъ; сплошь сѣрая шкурка сибирской бѣлки цѣнится больше чѣмъ вдвое, а забайкальская втрое дороже.

На счетъ тѣхъ же кедровыхъ орѣховъ плодятся въ сибирскихъ лѣсахъ, въ сосѣдствѣ съ бѣлками, бурундуки, и роютъ въ землѣ ходы, куда также складываютъ запасы иногда до 15-ти фунтовъ орѣховъ. На приманку дудочкой изъ бересты, выходитъ изъ своей норы этотъ звѣрёкъ (съ пятью черными и двумя бѣлыми продольными полосами не очень густой шерсти), оглядывается, нанюхиваетъ воздухъ и падаетъ оглушенный тупой стрѣлой, съ набалдашникомъ, которую остякъ или тунгусъ прямо посылаетъ въ морду. Шкурку дикарь продаетъ очень дешево; мясо жаритъ и ѣстъ съ наслажденіемъ. Не охотятся дикари только на мясо трехъ, сродственныхъ по природѣ и сходныхъ по обычаямъ, кровожадныхъ сибирскихъ звѣрковъ: соболя, кулонка и горностая: почти у всѣхъ этихъ животныхъ есть желёзки, которыя выдѣляютъ вонючую жидкость. Жидкость эту звѣрьки бросаютъ во враговъ и преслѣдователей, и тѣмъ защищаются, но сами нападаютъ на крысъ, мышей и птичекъ. Соболь ѣстъ и кедровые орѣхи, ловитъ и зайцевъ, и тетеревей; маленькій горностай бросается даже на мед-

вѣдя, вгрызается въ ухо и мучитъ этого большаго и сердитаго звѣря до смерти, а всегда злой кулонокъ не даетъ пощады ни мелкимъ птичкамъ, ни полевымъ мышамъ. Онъ такъ ловко лазитъ по стѣнамъ, что сибирскія хозяйки не уберегутъ отъ него ничего изъ мяснаго. И его, и соболя, и горностая природа снабдила такимъ тонкимъ тѣломъ, что трудно найти диру въ избѣ, куда бы эти три звѣрька не пролѣзали. Они длинны и тонки тѣломъ, легки на бѣгу и потому достаются только опытному охотнику. Кулонокъ соблазняетъ своей зимней шкуркой (бѣлой), которая прочнѣе горностаевой; горностай драгоцѣненъ нѣжной бѣлой шкуркой и чернымъ пучкомъ шерсти на хвостѣ. Хвостики его имѣютъ высокую цѣну у китайскихъ чиновниковъ, какъ украшеніе ихъ шапокъ. Горностаевымъ мѣхомъ подпушается Императорская порфира, въ которой коронуются наши Государи. Соболій мѣхъ высоко цѣнимъ всѣми народами. Гоняясь за этимъ звѣремъ, наши сибирскіе казаки провѣдали про неизвѣстныя страны и заводя мѣновую торговлю съ дикими сибирскими народами, незамѣтно покорили ихъ русской власти. Теперь соболь сталъ рѣдокъ: почти весь ушелъ отъ преслѣдованія охотниковъ въ непроницаемыя тайги и урманы, гдѣ на полной свободѣ отращиваетъ длинную, густую и черную ость съ черной же подпушкой и бѣлымъ кончикомъ. Все же однако ежегодно убиваютъ въ Сибири до 60-ти тысячъ звѣрьковъ и изъ нихъ считаютъ лучшими шкурки тѣхъ, которые убиты въ вершинахъ рѣки Олекмы. Яблоновой хребетъ отечество соболя и рѣки изъ него вытекающія—его жилище. Живетъ въ хребтахъ или

въ дремучихъ лѣсахъ вблизи рѣчекъ; какъ горностай и кулонокъ, на ночь прячется въ норѣ, которую дѣлаетъ или въ дуплѣ, или подъ деревомъ. Такихъ гнѣздъ у каждаго соболя по нѣскольку въ околоткѣ, на пяти верстахъ; но если онъ забѣжитъ дальше, то ночуетъ въ чужомъ гнѣздѣ. Самка родитъ 2, 3, а иногда 6, 7 и даже 9 щенковъ, скрытно отъ самца, въ горѣ подъ плитой: отецъ дѣтей жретъ. Соболь ѣстъ и бѣлокъ, и хорьковъ, и горностаевъ. Тунгусы промышляютъ ихъ обыкновенно *собачьей ногой*, т. е. такими ищейками, которыя умѣютъ выгнать соболя на дерево зимой, на глубокихъ снѣгахъ, когда собачья нога не держится; на слѣдъ соболя ставятъ ловушку и лукъ со стрѣлой. Задѣвая за снурокъ, соболь сдергиваетъ закрѣпу: стрѣла летитъ въ него, а очепъ или перевѣсъ привздымаетъ его съ земли, чтобы проходящіе мимо товарищи не могли достать и сожрать убитаго. Соболей, какъ и мышей, птицъ и зайцевъ, ѣдятъ лисицы: и огневки-рыжія и бѣлодушки съ бѣлой подшейкой желтыя, и сиводушки бурыя съ черною душкою и сивымъ пятномъ на крестцѣ, и крестоватики черныя съ желтиной или желтоватыя съ крестомъ на зашейкѣ, и овсянки—черныя съ бѣлою остью, и наконецъ—черныя, чернобурыя. Чернобурыя—самыя дорогія (60—70 руб. сер. за шкуру, иногда до 300 руб. и больше, тогда какъ огневка стоитъ всего 15 руб.). Чернобурыя лисицы къ тому же и рѣдки, потому что не составляютъ особаго рода, а являются, какъ случайность, какъ бы красавецъ въ некрасивомъ племени. Ближній родичъ лисицы—волкъ, бродитъ сѣрымъ въ лѣсахъ и бѣ-

лымъ по тундрѣ. Россомахи во множествѣ живутъ въ самыхъ холодныхъ лѣсахъ восточной Сибири, уходятъ отъ жилищъ людскихъ, спятъ въ снѣгу, ночью вслѣдъ за всѣми пушными хищными звѣрями выходятъ на добычу. Попадаютъ, вмѣстѣ съ медвѣдемъ, въ капканы и вмѣстѣ со всѣми крупными и мелкими лѣсными звѣрками охотятся на зайцевъ русаковъ и бѣляковъ. Ради этого же звѣря, во множествѣ рыскающаго по сибирскимъ пустынямъ, взлѣзаетъ на дерево и прячется въ вѣтвяхъ рысь, ростомъ съ волка, съ прекраснымъ дорогимъ мѣхомъ (особенно съ рѣки Колымы).

И какъ одинъ звѣрь гоняется за другимъ и каждый живится на счетъ ближняго, такъ ради всѣхъ ихъ, безъ разбору, подселились къ дремучимъ лѣсамъ дикіе люди изъ инородныхъ племенъ нашей Россіи: всѣ эти самоѣды, остяки, юкагиры и чукчи, о которыхъ мы говорили и всѣ эти камчадалы, якуты, тунгусы и другіе, о которыхъ намѣрены говорить теперь. Всѣ эти народы и народцы безъ лѣснаго звѣря не добудутъ промѣномъ ни хлѣба, ни табаку, ни водки на усладу жизни, ни пороху, ни свинцу для ея поддержки въ такихъ негостепріимныхъ лѣсахъ, каковы хвойные лѣса сѣверной Сибири. Оттого-то они, и берега рѣкъ, усѣяны неизсчетнымъ множествомъ силковъ, капкановъ, западней и самострѣловъ. Плохой звѣроловъ имѣетъ такихъ снарядовъ меньше сотни. Одна сѣверо-американская компанія продаетъ мѣховъ на два милліона рублей, а произведенія, получаемыя отъ царства животныхъ всей Рос-

сіей, оцѣниваются приблизительно до 350 милліоновъ рублей въ годъ!

II.

КАМЧАТКА И ЕЯ ЖИТЕЛИ.

Нѣкогда мѣсто для ссылки, недавно пристанище казенныхъ военныхъ судовъ съ Петропавловскимъ портомъ, Камчатка теперь покинута и полузабыта. Военный портъ переведенъ къ устьямъ Амура; поселенія русскихъ крестьянъ (заведенныя въ первый разъ въ началѣ царствованія Екатерины II) теперь прекращены. Камчатка остается по старому въ рукахъ тѣхъ же дикарей, которыхъ въ концѣ XVII-го столѣтія нашелъ здѣсь казакъ Атласовъ, овладѣвшій почти всею страною. Въ сѣверной половинѣ ея, незащищенной отъ холодныхъ вѣтровъ и потому суровой, кочуютъ коряки и олюторы; въ южной части, защищенной горами, съ болѣе умѣреннымъ климатомъ, живутъ камчадалы—коренной и главный народъ этого полуострова. На долю ихъ досталась земля, во многомъ не похожая на суровыя страны сосѣдней и ближней тундры.

Камчатку съ сѣвера на югъ прорѣзаютъ высокія горы и раздѣляютъ ее на двѣ части, изъ которыхъ восточная половина оказывается лучшею для житья и удобною для земледѣлія. Камчатскія горы произошли отъ дѣйствія подземнаго огня, сила котораго до сихъ поръ выбрасываетъ пепелъ и сажу изъ Ключевской сопки, находящейся на полуостровѣ. Клю-

чевская—самая высокая (до 2,350 саженъ); другія десять по временамъ выбрасываютъ только грязь. Камчатскія горы, оканчивая полуостровъ мысомъ Лопаткой, скрылись въ океанѣ, и потомъ показались, при помощи того же подземнаго огня, на поверхности океана длинною цѣпью острововъ до самой Японіи. Подъ именемъ Курильскихъ извѣстны острова эти и населены особымъ племенемъ народовъ — айнами или курильцами: 19 острововъ крупныхъ принадлежатъ Россіи, три самыхъ дальнихъ и южныхъ—Японіи. Острова эти печальнаго вида и съ нездоровымъ и суровымъ климатомъ; прежде около нихъ водились бобры, которые теперь удалились какъ отсюда, такъ и отъ восточныхъ береговъ Камчатки. Но на Камчаткѣ горы покрыты лѣсомъ каменной березы, а почва густымъ ковромъ травъ и кустовъ. Кусты даже оглашаются пѣніемъ соловья, а между травами по равнинамъ выростаетъ такая крапива, которая достигаетъ въ вышину до двухъ саженъ. Изъ волоконъ ея жители приготовляютъ тонкую пряжу. Климатъ въ восточной части полуострова позволяетъ воздѣлывать хлѣбныя растенія. Здѣсь легко созрѣваетъ яровая пшеница, рожь и терпѣливый ячмень. Несвоевременные морозы и по временамъ безпрерывные ливни, иногда мѣшаютъ земледѣлію. Иногда поѣдаютъ хлѣбъ на корню водящіеся во множествѣ полевыя мыши. Но главнымъ препятствіемъ къ успѣхамъ земледѣлія служатъ все тѣ же дары камчатской природы.

Обиліе рѣкъ и водныхъ источниковъ поразительно: всѣ они кишатъ богатою и всегда готовою

къ услугамъ рыбною пищею; не надо большаго труда человѣку, когда собаки сами ходятъ ловитъ рыбу и медвѣдь таскаетъ ее лапой прямо изъ воды. Вода рѣчная, какъ каша, кишитъ весной гольцами, лѣтомъ — гавычой, осенью красной рыбой, потомъ хайкой и горбушой, наконецъ кижучемъ. Нижнекамчатскій протопопъ неводомъ въ 30 саженъ въ одну недѣлю выловилъ 27 тысячъ штукъ, изъ которыхъ 12 тысячъ отдалъ собакамъ, а прочее солдатамъ, помогавшимъ ловить. Въ лѣсахъ, окружающихъ озера, изобильно плодится разнаго рода дичина, которую туземцы даже не охотно стрѣляютъ, облюбивши легче-промышляемую рыбную пищу. По мѣстамъ, гдѣ протекаютъ ключи, растетъ въ изобиліи дикій лукъ или черемша. Довольствуясь ею, камчадалъ не заботится объ огородахъ, хотя въ Петропавловскомъ портѣ отлично растутъ капуста, горохъ и картофель. Отъ обильной сырости, нѣкоторыя травы остаются сочными до глубокой осени и замерзая такъ, — зимою доставляютъ хорошій кормъ. Лошадей и рогатый скотъ, приведенный изъ Сибири, не узнаютъ потомъ отъ камчатскаго корма. Сѣно косятъ здѣсь иногда три раза въ годъ. Ко всему этому въ камчатскихъ лѣсахъ въ обиліи попадаются лисицы, соболи, куницы, горностаи, олени, дикія козы; въ водахъ преслѣдуютъ рыбу бобры. А такъ-какъ торговля мѣхами легче, то земледѣліе еще не возникло и не возникнетъ до тѣхъ поръ, пока добыча пушныхъ звѣрей не будетъ ничтожна. По тому-то до сихъ поръ Камчатка довольствуется хлѣбомъ, привозимымъ изъ дальнихъ странъ, какова Россія

и Америка; потому-то камчадалы и мрутъ съ голода, когда не бываетъ подвоза. Число ихъ, послѣ того какъ познакомился съ ними Атласовъ, значительно уменьшилось и едва ли можно положить все населеніе Камчатки, считая даже и русскихъ, свыше 10-ти тысячъ человѣкъ.

Прежде камчадалы живали въ землянкахъ или ямахъ, вырытыхъ въ землѣ, съ отверзтіемъ на верху, откуда лѣзъ и дымъ, вылѣзали и сами хозяева. Отъ дыму страдали глазными болѣзнями, отъ неудобныхъ выходовъ бывали хромыми, горбатыми, уродуясь въ молодыхъ лѣтахъ и ребячьемъ возрастѣ. Вѣрили во множество боговъ и поддавались обманамъ шамановъ, питались рыбой; пріурочили такихъ собакъ, которыя легко и удобно замѣнили имъ лошадей. Били звѣря пушнаго на морскихъ берегахъ и на лѣсныхъ вершинахъ; слыли за людей тихихъ, добродушныхъ и услужливыхъ. Повиновались они своимъ старикамъ—тойонамъ, а больше своей вольной волѣ, да примѣтамъ, которыя вели ихъ или на морскіе берега за бобрами, или въ лѣса за дорогимъ пушнымъ звѣремъ. Получая обильную добычу, камчадалы за недосугомъ не выучились опрятности, были не прихотливы въ пищѣ: не гнушались ѣсть изъ одной посуды съ собаками; никогда не умывались; по доброй волѣ не лазили въ воду, несмотря на ея обиліе; лѣтомъ и зимой носили оленьи или собачьи парки, шерстью къ тѣлу и кухлянки шерстью на верхъ. Жиръ оленій, медвѣжій, тюленій и китовый предпочитали всякому мясу; мясо любили больше рыбы и жили во всемъ по старинѣ, какъ жили

ихъ стародавніе праотцы. Но пришли русскіе, объявились хозяевами: камчадалы съ ихъ примѣра изъ земляныхъ юртъ переселились въ наземныя маленькія избы съ бѣлыми трубами и красными окнами; выучились говорить шепеляво по русски; приняли Христову вѣру и перестали, подъ страхомъ, принимать шамановъ. Привыкли и полюбили хлѣбъ, а еще пуще тотъ крѣпкій напитокъ, который гонится изъ этого хлѣба. За вино стали отдавать свою добычу и терять на такой мѣнѣ такъ много, что скоро обнищали и попали въ конечную кабалу. Стали сами хитрить и обманывать: получивши задатокъ отъ одного, запродавали упромышленныя шкурки другому. Начали жаловаться на притѣсненія чиновниковъ, на обманы купцовъ. Но затѣмъ уже ни въ чемъ больше и неизмѣнялись: также ходили неумытыми, также пѣли невеселыя, тоскливыя пѣсни и медленное хожденье другъ противъ друга называли пляской. Маленькіе ростомъ, съ большой головой на широкихъ плечахъ, съ широкимъ желтоватымъ лицомъ, украшеннымъ очень толстыми губами, маленькими глазами и отвислымъ брюхомъ—камчадалы все тѣ же. Не переродились они сами, но выродились цѣлымъ племенемъ своимъ: русскіе завезли къ нимъ оспу, горячку, венерическую болѣзнь и тяжелыя работы по наймамъ—и камчадаловъ стало теперь въ три раза меньше, чѣмъ было прежде. Прежде они нападали на пришельцевъ и убивали ихъ; теперь, какъ волы, охотно и послушно возятъ воду и на купцовъ русскихъ, и на чужеземныхъ китобоевъ, которые пріѣзжаютъ на Камчатку пьянствовать и озор-

ничать. Одна россійско-американская компанія нѣкогда насчитывала долгу на этомъ народѣ до 150-ти тысячъ и продавала право получки за 16 тысячъ, но купецъ Мясниковъ, знавшій близко дѣла, сосчиталъ не больше 11-ти тысячъ, которыя и предлагалъ компаніи за всѣ ея камчатскіе долги.

Пушнаго звѣря продаютъ камчадалы за ту цѣну, которую назначитъ купецъ и мало прекословятъ, особенно когда мѣну подслащиваютъ водкой. Не перестаютъ только камчадалы заботливо уберегать собакъ, которыя и вывозятъ еще ихъ отъ иныхъ невзгодъ и несчастій, когда отошелъ бобръ, когда и мертвыхъ китовъ стало меньше выбрасывать на берега. Китовъ промышляютъ сѣтями, сдѣланными изъ толстыхъ моржевыхъ ремней (въ руку толщиной и прокопченныхъ), только тѣ изъ обитателей Камчатки, которые живутъ на сѣверѣ этого полуострова около Олюторской губы океана, и потому называются олюторами. Собственно камчадалы охотятся на большихъ морскихъ звѣрей китовой породы, называемыхъ бѣлухами. Изъ шкуръ ихъ рѣжутъ ремни и подошвы; кости нижней челюсти употребляютъ на полозья нартъ или собачьихъ санокъ, тѣми же костями камчатскіе щоголи или коюры украшаютъ собачью сбрую. Изъ бѣлужьихъ кишекъ приготовляютъ пузыри и сосуды, изъ сухихъ жилъ — веревки для лисьихъ капкановъ. Камчадаловъ русскіе признаютъ слабоумными, хотя народъ этотъ охотно перенимаетъ чужіе обычаи и, не видя хорошихъ, въ-самомъ-дѣлѣ, стоятъ на той степени дикости, какъ и всѣ сосѣдніе съ ними народы. Какъ

всѣ дикари, камчадалы душою и сердцемъ преданы лѣни: только одна нужда поднимаетъ ихъ на трудъ и работы: имъ бы весело прожить и въ бѣдности, и всякихъ лишеніяхъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ: вотъ то желаніе и та цѣль, къ которой подгоняетъ свою жизнь обитатель полузабытой Камчатки.

Русскіе забыли Камчатку ради западныхъ береговъ Восточнаго океана и промѣняли ее на болѣе счастливые берега рѣки Амура. Сюда мы и перейдемъ теперь, не останавливаясь на ламутахъ. Народъ этотъ живетъ близъ Охотскаго моря, но почти ничѣмъ не отличается отъ сосѣдей.

III.

РѢКА АМУРЪ И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.

Кто на Амурѣ не бывалъ,
Тотъ и горя не видалъ.
Кто на Амурѣ побывалъ,
Тотъ и горе распозналъ.

Изъ казачьей пѣсни.

Невеселую пѣсню (изъ которой мы взяли конецъ) поютъ сибирскіе казаки, спознавшіеся съ этой вновь-пріобрѣтенной рѣкой отъ китайцевъ. Неладны были первыя попытки заселеній, немалыя невзгоды встрѣтили казаковъ на первыхъ порахъ прибытія на эту мало-початую, но хорошую почву Амурской страны. Казачьи неудачи породили жалобы, жалобы сложились въ пѣсню, которую слыхалъ пишущій эти строки на самой рѣкѣ Амурѣ, проѣхавши по ней всѣ три тысячи верстъ ея теченія изъ Забайкалья въ

Восточный туманный океанъ. Но не о казачьихъ жалобахъ и несчастіяхъ рѣчь наша, а по задачѣ нашей о самой странѣ и о тѣхъ народахъ, которыхъ нашли сибирскіе казаки на берегахъ этой хваленой рѣки и которые живутъ тамъ теперь.

Въ первый разъ Амурская страна стала извѣстна сибирскимъ казакамъ, по слухамъ отъ тунгусовъ, въ 1636 году. Первымъ попалъ туда казачій атаманъ Поярковъ, посланный якутскимъ воеводой. Перевалилъ онъ черезъ Становой хребетъ на рѣкѣ Зеѣ, впадающей въ Амуръ тамъ, гдѣ теперь строится городъ Благовѣщенскъ. Поярковъ, не видавшій верховьевъ рѣки, возвращался спустя три года черезъ Охотскъ, потерявши третью часть своей партіи, погибшую голодною смертію. Въ 1649 году счастливѣе его былъ Ерофей Хабаровъ, который достигъ по Олекмѣ-рѣкѣ и черезъ хребетъ Становой до верховьевъ рѣки. Здѣсь онъ укрѣпился, привлекъ новыя партіи звѣровщиковъ русскихъ, съ ними ходилъ внизъ по Амуру, нашелъ осѣдлыхъ народовъ; собралъ дани мѣхами и вернулся назадъ. Въ верховьяхъ Амура выстроился русскій городъ Албазинъ, возведена была церковь, распаханы поля; казаки приспособились жить на долгіе сроки. Ждали изъ Сибири поддержки; отправили туда обозы съ пушными звѣрями (120 сороковъ соболей, не считая лисицы), царю московскому на поклонъ и въ подарокъ, прося военныхъ снарядовъ. Китайцы, замѣтивъ слѣды русскихъ ногъ на своей почвѣ, всполошились, стали безпокоить казаковъ мелкими отрядами, на помощь къ которымъ стали появляться свѣжіе многочисленные.

Завязалась борьба. Сорокъ лѣтъ отстаивались русскіе въ укрѣпленномъ Албазинѣ и на берегахъ Амура. Наконецъ въ 1682 году китайская сила сломила казацкую. Албазинъ былъ осажденъ десяти-тысячнымъ войскомъ китайцевъ; казаки держались долго, но по недостатку пороха уступили китайцамъ и вышли изъ города. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они вернулись назадъ съ свѣжими людьми и снова заняли Албазинъ, гдѣ опять слишкомъ годъ выдерживали осаду. Но въ это время въ Нерчинскѣ — невыгодный миръ, заключенный нашими уполномоченными съ китайцами, принудилъ казаковъ очистить Албазинъ и выдти съ Амура. Въ рукахъ русскихъ остались тѣ двѣ рѣки (Аргунь и Шилка), изъ сліянія которыхъ образовался Амуръ. По нимъ поселены были казаки и ссыльные, и отсюда вплоть до послѣдняго присоединенія Амура къ Россіи казаки наши ходили звѣровать и мѣнять у дикарей тамошнихъ мѣха на свинецъ и порохъ. Чтобы не пускать русскихъ къ себѣ и сдерживать казаковъ въ намѣченныхъ нерчинскимъ договоромъ границахъ, китайцы выстроили крѣпость Айгунъ. Когда слишкомъ черезъ полтараста лѣтъ русскіе снова завладѣли Амуромъ, айгунская деревянная крѣпость уже оказалась сгнившей, полуразвалившейся. Все тѣ же маньчжуры, которые завоевали Китай, сидѣли въ сосѣдствѣ главнымъ населеніемъ своей страны. Они вымогали подати у племенъ, кочующихъ въверховьяхъ; каковы: орочоны и манегиры, пользовались непрочною властью, не пользовались никакимъ уваженіемъ у племенъ гольдовъ, кочующихъ въ среднемъ

теченіи Амура и по рѣкѣ Уссури и мало знали о тѣхъ племенахъ, которыя живутъ около устьевъ этой многоводной и разнообразной рѣки, подъ названіемъ гиляковъ. Гиляки народъ независимый; до прихода русскихъ никому не платилъ податей и оказался съ весьма дикими нравами и недружелюбнымъ характеромъ. Въ этомъ племя гиляковъ сильно отличается отъ кроткаго и миролюбиваго племени гольдовъ, живущихъ у нихъ въ ближнихъ сосѣдяхъ.

Устья Амура и всѣ берега въ нижнемъ теченіи его обросли дѣвственными хвойными лѣсами; рѣка широка и глубока до того, что далеко въ нее верстъ на двѣсти заходитъ крупный морской звѣрь—бѣлуха. Какъ всѣ мало-населенныя и первобытныя рѣки, Амуръ кишитъ крупной рыбой, давая обильную и дешовую пищу. Оттого и гиляки и гольды прежде всего занимаются рыбной ловлей; но такъ какъ и въ амурскихъ дремучихъ лѣсахъ водятся кедры, а съ ними и для нихъ пушные звѣри, то ловля ихъ, или—по сибирски—звѣрованье занимаетъ вторую половину жизни при-амурскихъ народовъ. Между тѣмъ и другимъ промысломъ опять-таки не остается времени для земледѣлія и при-амурскіе народы, исключая маньчжуръ, не знаютъ плуга. Жизнь ихъ по этой причинѣ развалилась на-двое: лѣтомъ живутъ они на берегахъ рѣки Амура или ея притоковъ въ легкихъ юртахъ, называемыхъ лѣтниками; на зиму переходятъ въ лѣса, ближе къ звѣрю, въ зимнія или такія юрты, которыя уже строются попрочнѣе и потеплѣе. Лѣтнія жилища ладятся изъ кольевъ или у самой воды, или на прибрежныхъ пригоркахъ (подушкахъ); зим-

нія устраиваются землянками въ лѣсной чащѣ. Лѣтники окружаются въ свое время грязью и вонью отъ киты и горбуши (родъ семги), которую рѣжутъ на ремни и вялятъ на солнцѣ, чтобы куски эти, подъ названіемъ юколы, пускать въ зимніе запасы для пищи. Зимой и гиляки и гольды ходятъ въ лѣса, гдѣ гоняются за соболемъ и другими пушными звѣрями. Но амурскій соболь не хорошъ и промышленный этими народами цѣнится дешево; тѣмъ не менѣе этотъ мѣхъ, проданный (русскимъ теперь, и маньчжурамъ прежде) доставляетъ дикарямъ все нужное: табакъ, свинецъ, порохъ и одежду. И гиляки и гольды любятъ принарядиться въ китайскую нанку и русскую дабу. Только зимнюю одежду изъ звѣриныхъ шкуръ нѣтъ нужды вымѣнивать ни тѣмъ, ни другимъ: въ нихъ они могутъ окутаться страшнѣе сосѣда по владѣніямъ медвѣдя, котораго особенно чтутъ и уважаютъ гиляки. Изъ дабы и нанки шьютъ дикари куртки (курмы) на манеръ маньчжурскихъ и по образцу ихъ же плетутъ изъ волосъ косу и спускаютъ ее по курмѣ на спину. Плоскія почти четвероугольныя лица, маленькій приплюснутый лобъ, несоразмѣрно большая голова и выпуклыя скулы, дѣлаютъ ихъ похожими на всѣхъ народовъ монгольскаго племени, къ которому принадлежатъ также маньчжуры. Гольды, какъ будто приниженный, несчастный осколокъ того же народа, оставшійся при кочевой и подвластной жизни въ то время, когда болѣе сильное племя маньчжуръ покорило Китай, посадило императора изъ своего племени, занялось земледѣліемъ и всѣми тѣми работами, которыя давно были въ ве-

ликой силѣ у побѣжденныхъ ими и съ незапамятныхъ временъ осѣдлыхъ китайцевъ. Маньчжуры теперь народъ осѣдлый и домовитый, и мало отличается отъ образованныхъ китайцевъ; даже самый видъ ихъ не такъ дикъ теперь, и черты лица сдѣлались круглѣе и мягче, чѣмъ у тѣхъ ихъ родичей, которые платятъ имъ подать и живутъ на берегахъ Амура подъ прозвищемъ гольдовъ. Гольды и до сихъ еще поръ кочуютъ, несмотря на то, что юрты ихъ стоятъ на сочномъ, роскошномъ черноземѣ, копившемъ силы цѣлыя сотни лѣтъ. Они выучились сѣять только листовой табакъ тамъ, гдѣ у маньчжуръ растутъ и просо, и кукуруза, и всякія огородныя и садовыя овощи въ изобиліи. Гольды не замѣчаютъ того, что ближе къ мѣстамъ ихъ кочевьевъ хвойный лѣсъ удалился съ береговъ Амура на горы и замѣнился лиственнымъ; травяная растительность стала пышнѣе; роскошная степь на тысячу верстъ занимаетъ оба берега Амура въ срединѣ его теченія. Маньчжуры давно воспитываютъ тутъ сытый рогатый скотъ. Смекаютъ про то и русскіе пришельцы на берегахъ рѣки Уссури, гдѣ гольды опять не понимаютъ и не цѣнятъ всей роскоши природы береговъ рѣки этой: тамъ подлѣсье переплетено дикимъ виноградомъ, гдѣ грецкій орѣхъ растетъ рядомъ съ плодовыми деревьями грушъ и яблокъ. Амурская степь покрыта травой выше человѣческаго роста: сибирскіе пришельцы пустили уже на нее свои палы, которые огненными рѣками пожираютъ старую траву, чтобы не глушила она новой, и чтобы не держался въ ней всякій гнусъ: и комаръ, и мошка,

и слѣпень, и змѣи. Между змѣями на Амурѣ попадаются ядовитыя. На Амурскую степь, тамъ, гдѣ она къ верховьямъ рѣки смѣняется опять хвойнымъ лѣсомъ, китайскіе манегиры на лѣтнее время выгоняютъ табуны лошадей, съ которыми на зиму снова прячутся въ горныхъ хребтахъ, покрытыхъ лѣсами.

Горные кряжи Большаго Хингана сопровождаютъ Амуръ на всемъ верхнемъ его теченіи, покрытые непроходимымъ хвойнымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ тотъ самый сибирскій лѣсъ, который богатъ пушными звѣрями. Какъ тамъ за Становымъ хребтомъ якуты и тунгусы звѣроловы; такъ и орочоны здѣсь въ верховьяхъ Амура ходятъ за бѣлкой и соболемъ (албазинскій сортъ почитается самымъ лучшимъ и даетъ самую крупную шкурку). Какъ тамъ худо прививается хлѣбопашество, такъ и здѣсь оно плохо ведется даже у привычныхъ сибирскихъ казаковъ, которые охотно обмѣняли плугъ на винтовку. И теперь, какъ и въ давнія времена прежде, они охотнѣе ходятъ на бальжоры—самодѣльные торги въ условномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, примѣняясь къ перемѣнамъ луны. На торгахъ они мѣняются съ тунгусами и орочонами не русскимъ товаромъ на соболей и бѣлокъ, а чаще свинцомъ и порохомъ, табакомъ и водкой.

Но хотя орочонъ и амурскихъ тунгусовъ обязали ясакомъ звѣриныхъ шкуръ лучшихъ сортовъ и стараются привлечь ихъ на нашу сторону и ласками и запасными хлѣбными магазинами съ дешевой продажей казеннаго хлѣба, все же подчиненіе ихъ очень

шатко. Манегиры вѣрны Китаю до раболѣпства и большую часть времени проводятъ далеко внутри ихъ владѣній. Гольды хотя и жалуются на притѣсненія маньчжурскихъ властей и полюбили русскихъ, но на послѣдній шагъ едва ли скоро рѣшатся; а гиляки, и сами того не замѣчая, быстрыми шагами идутъ въ объятія русскихъ. Конечно, дольше устоятъ въ независимости только тѣ народы, которые живутъ въ непроходимыхъ дебряхъ по прибрежьямъ океана, каковы тазы и свирѣпо взглянули на русскихъ сосѣди ихъ—манзы. Манзы — это одичавшіе китайцы: частію ссыльные, частію бѣглые отъ маньчжурскихъ притѣсненій. Остальная и большая часть народовъ, сидящихъ по берегамъ Амура и океана (тазы, гиляки, гольды, орочоны и другіе мелкіе) принадлежатъ къ монгольскому роду и есть ни что иное, какъ вѣтви, части, подраздѣленія того многочисленнаго племени, которое подъ именемъ тунгусовъ населяетъ почти весь востокъ Азіи, всю нашу восточную Сибирь. Въ то время, когда соотчичи и родичи ихъ—маньчжуры—завладѣваютъ самымъ огромнымъ въ свѣтѣ китайскимъ государствомъ, тунгусы, стѣснившіе якутовъ и загнавшіе юкагировъ и чукчей въ тундру, сами подпали подъ русское владычество. Не устояли луки и стрѣлы дикарей противъ казачьихъ пуль и пороху.

И такъ — объ этомъ народѣ, который въ количествѣ 30-ти тысячъ душъ разсѣянъ на громадномъ пространствѣ отъ трехъ рѣкъ Тунгусокъ до Охотскаго моря и отъ Ледовитаго океана до китайской границы.

IV.

ТУНГУСЫ.

Гдѣ два оленя прошло—тамъ тунгусу большая дорога.

Сибирская поговорка.

Тунгусы, кочующіе (охотнѣе) по сибирскимъ лѣсамъ, обыкновенно подраздѣляются на тунгусовъ оленныхъ, собачьихъ, конныхъ, скотоводныхъ, лѣсныхъ и береговыхъ. По этимъ прозваніямъ, по роду пріуроченныхъ къ быту животныхъ, отчасти можно судить о томъ разнообразіи рода жизни, которую ведетъ съ незапамятныхъ временъ это племя. А такъ какъ сибирская природа не любитъ крупно мѣнятъся, а дикарь не умѣетъ ее разнообразить, то и подробности жизни тунгусовъ скажутся повтореніемъ того же, что испытываютъ другіе кочующіе по лѣсамъ народы. Но тунгусы или овены рѣзко отличаются отъ нихъ своимъ характеромъ. При воинственномъ видѣ, этотъ народецъ свободенъ въ обращеніи со всякимъ, веселъ нравомъ до смѣшливости, опрятенъ до щеголеватости. Чумы, юрты или урасы свои они не только содержатъ опрятно, но даже стараются щеголять узорной покраской; внутренности и полъ всегда усыпаютъ рубленными мелко вѣтками лиственницы. Садясь на своего любимаго оленя, они кажутъ ловкими наѣздниками; и даже женщина смѣло несется на быстроногой лани ничѣмъ не хуже сосѣдняго якута, обмѣнявшаго оленя на лошадь. Приготовляя одежду изъ тѣхъ же оленьихъ кожъ, какъ и самоѣдки, и также украшаясь бисеромъ и по-

брякушками, тунгуска кажется не въ примѣръ щеголеватѣе неряшливой самоѣдки. Она и мужа одѣваетъ нарядно, украшая бусами его куртку, сшитую изъ прокопченой замши, которая плотно обтягиваетъ станъ. По швамъ верхней одежды тунгуска нашиваетъ бахрому изъ козлиныхъ волосъ бѣлыхъ и крашеныхъ. На голову тунгусъ надѣваетъ шитую бисеромъ ермолку на подобіе татарской тебетейки; тунгуска въ этой ермолкѣ оставляетъ на верху отверзтіе, чрезъ которое пропускаетъ пукъ и косичку волосъ. Тунгусъ черезъ плечо перекидываетъ перевязь, къ которой на колечкахъ привѣшиваетъ и сангу (трубочку) и чехольчики съ табакомъ, огнивцемъ, трутомъ и ножикомъ. Для непривычнаго глаза тунгусскій нарядъ кажется шутовскимъ; для самого дикаря онъ легокъ и удобенъ при его лѣсной жизни и промыслахъ. Только иркутскіе или байкальскіе тунгусы одѣваются какъ буряты; но енисейскіе придерживаются и стараго наряда, и стараго обычая — уродовать лица. Для этого маленькому тунгусу мать продѣваетъ подъ кожу самую тоненькую струну, натертую угольнымъ порошкомъ. Оставаясь подъ кожицей, черная струна отливаетъ наружу голубымъ цвѣтомъ, который кажется красивымъ и матери, и будущимъ невѣстамъ взрослаго парня. Жену себѣ тунгусъ покупаетъ колымомъ въ десять оленей, а если торгъ не состоится, то тунгусъ не задумается увезти и даромъ. На свадьбахъ и другихъ празднествахъ поютъ пѣсни и пляшутъ. Поютъ, какъ поютъ всѣ дикари — безъ складу и ладу, и на тотъ предметъ, который попался на глаза, безъ разбора — лѣсъ и бо-

лото, веселая травка и мертвый снѣгъ. Въ пляскахъ безустанно вертятся, ухватясь руками и то пріударятъ, то заволочатъ ногами тихо и медленно. Тунгусъ даже и остановясь на одномъ мѣстѣ спроста не станетъ, а старается встать покрасивѣе: чаще обопрется на палку, какъ красивый черкесъ на ружье и выставитъ впередъ одну ногу, какъ столичный обученый танцоръ на театрѣ.

Этотъ живой и веселый народецъ никогда не унываетъ ни передъ какими бѣдами, онъ даже насмѣшливъ по общимъ примѣтамъ. Кочевье въ лѣсахъ онъ любитъ до страсти, несмотря на то, что лѣсная жизнь преисполнена всякихъ невзгодъ и злоключеній. Не видать даже и слабой надежды, чтобы этотъ народъ сдѣлался когда-нибудь осѣдлымъ земледѣльцемъ и почтеннымъ мѣщаниномъ какого-нибудь сибирскаго города. Для рыбы онъ иногда садится на берега рѣкъ, но плачетъ и тоскуетъ неутѣшно, когда неудачи выгонятъ его изъ возлюбленнаго и безцѣннаго лѣса. На вѣтвяхъ деревьевъ вѣшаютъ и его трупъ, зашитый въ оленью кожу возлѣ высокаго столба, на которомъ привязываютъ и ружье, и котелъ, и лукъ со стрѣлами, чтобы и по смерти душа тунгуса тѣшилась возлюбленнымъ и развеселымъ лѣснымъ промысломъ. Пробовали тунгусовъ окрестить въ Христову вѣру, но и тогда онъ остался вѣренъ своей лѣсной вѣрѣ, языческой, которою коноводятъ ловкіе плуты — шаманы.

Какъ всѣ лѣсные дикари, опрятный, чистоплотный тунгусъ не разборчивъ на пищу и ѣстъ въ охоту все, что ни попало: вонючее мясо не отличаетъ

отъ сладкаго и оленьи требухи съ ягодами ѣстъ и прихваливаетъ, какъ самый лакомый кусъ. Нерчинскіе тунгусы пристрастились къ кирпичному чаю и варятъ его, по тамошнему обычаю, съ саломъ и солью, съ мукой и ягодами.

Такихъ ловкихъ ямщиковъ-проводниковъ по дремучимъ сибирскимъ лѣсамъ, каковы тунгусы — мало находится; одни только якуты не хуже ихъ. И положительно хуже ихъ въ томъ, что сумрачный и тяжелый якутъ еще большую наводитъ тоску на путника; тунгусъ же и на дорожныхъ невзгодахъ себѣ неизмѣненъ. Нарубили вѣтвей для постели, развели огонекъ для пищи, повѣсили котелокъ,—смотришь, двое тунгусовъ держатъ и вертятъ веревку, третій прыгаетъ черезъ нее до упаду.

Ловкій тунгусъ поспѣлъ на всѣ сибирскія ярмарки: въ Восточной Сибири самыя дальнія и раздѣленныя огромными пространствами,—безъ нихъ не обходятся. На оленяхъ они привозятъ все, что упромыслятъ и мѣняютъ преимущественно на то, что еще больше веселитъ духъ: на вино или табакъ всего охотнѣе. Любимые промыслы ихъ рыбный и звѣриный, любимое животное всѣхъ тунгусовъ—неизмѣнный олень. Имъ уже давно извѣстно искусство дѣлать мѣдныя и желѣзныя вещи; изъ кости мамонтовъ (допотопныхъ животныхъ, вырываемыхъ въ сибирской землѣ), они вытачиваютъ ложки, чашечки и ящички для пороха, наручники для стрѣльбы изъ лука и другія мелкія бездѣлушки. Все это умѣли и знали они и въ тѣ времена, когда впервые встрѣтились съ русскими казаками въ 1640 году. Но не всѣ

тунгусы въ одно время покорились Россіи—прежде другихъ байкальскіе (въ 1643 году и въ 1657 году); дальные въ началѣ XVIII-го столѣтія. До сихъ поръ они кротки нравомъ; лжи и обмановъ не знаютъ и когда якутъ неудержимый воришка, изъ тунгусовъ еще ни одинъ до сихъ поръ въ сибирскихъ острогахъ не сиживалъ. Пьяный тунгусъ все ломаетъ, дерется, рубитъ, колетъ, валяется по полу и, лишившись силъ, засыпаетъ; полупьяный онъ превеселый и предобрый человѣкъ. Когда запретили нашимъ купцамъ ѣздить по тунгусскимъ улусамъ съ водкой, большая часть пушныхъ звѣрей пошла на Амуръ въ Китай, откуда маньчжуры вывозятъ свою рисовую водку—араки. Въ водкѣ тунгусская услада и—погибель.

V.

ЯКУТЫ.

Якуты — *бурдучники* (за любимое кушанье — бурдукъ—изъ муки, развареной въ кипяткѣ наподобіе русскаго свинаго корма).

Про якутовъ впервые прослышали сибирскіе казаки въ 1628 году; въ 1631 атаманъ Василій Мартыновъ нашелъ ихъ и обложилъ ясакомъ. Въ слѣдующемъ году заложенъ былъ острогъ или деревянная крѣпость на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь большой областной городъ Якутскъ. Съ 1804-го года якутовъ стали обращать въ христіанство, а въ 1844-мъ году учреждены были для этого народа двѣ походныя церкви.

Всѣхъ якутовъ насчитываютъ до 195-ти родовъ, въ количествѣ полутораста тысячъ душъ такъ, что якуты — самое многолюдное инородческое племя Сибири, послѣ татаръ; оно же и менѣе другихъ дикое и далеко не слабоумное. Всѣ ремесленники въ Якутскѣ — якуты: они хорошіе печники и плотники, даже мебельщики; женщины — хорошія кухарки, швеи. Въ Якутскѣ всѣ няньки — якутки; русскіе охотно женятся на нихъ и охотно говорятъ на ихъ языкѣ, такъ что въ тѣхъ мѣстахъ якутскій языкъ модный и любимый на столько же, на сколько у русскихъ дворянъ языкъ французскій.

Вообще же якуты народъ даровитый и переимчивый: склонны къ художествамъ (отлично рѣжутъ изъ кости всякія подѣлки); скоро выучиваются читать и писать. Давно они умѣютъ плавить желѣзо, хотя оно у нихъ и мягко, и въ дѣлѣ не хорошо. На добрыхъ рукахъ племя это ожидаетъ хорошее будущее. Теперь они народъ хитрый, коварный, злопамятный и мстительный; къ тому же заражены страстью къ ябедамъ и жалобамъ всякаго рода. Заразу эту, какъ полагаютъ, привезли сюда тѣ кляузники-подъячіе, которыхъ губернаторъ Трескинъ выслалъ изъ Иркутска и поселилъ въ Якутскѣ. Соболей якуты ловятъ мало, лѣнясь ходить далеко и стараются жить селеніями, отвыкая отъ жизни въ одиночку или двумя и тремя юртами, которыя обшиваютъ берестой и зовутъ урасами. Урасы эти служатъ имъ на лѣто; зимой якуты живутъ въ бревенчатыхъ избахъ, обложенныхъ дерномъ, но съ неизмѣннымъ очагомъ, по-якутски чувалomъ по серединѣ, который дымитъ и коптитъ въ

ту же силу, какъ и во всѣхъ юртахъ дикихъ лѣсныхъ и тундровыхъ обитателей. Но якуты уже сдѣлали большой шагъ къ осѣдлости; до полной имъ уже не слишкомъ далеко. Они въ особенности полюбили скотоводство и на разведеніе лошадей и рогатаго скота кладутъ свои главныя заботы: изъ лошадей сдѣлали особую породу терпѣливую, выносливую и неприхотливую. Вмѣсто овса якутская лошадь ѣстъ кору ивы, лиственницу, хвощи и старую траву, а между тѣмъ скачетъ по 30-ти верстъ безъ отдыха; на отдыхѣ довольствуется травой и, всѣ въ поту и мылѣ, не простуживаются на самомъ сильномъ морозѣ, на самыхъ страшныхъ зимнихъ вьюгахъ. Якуты защищаютъ навѣсомъ только коровъ и въ сильныя вьюги загоняютъ ихъ въ юрты; лошади—всегда на дворѣ и на морозѣ. Якутъ и самъ таковъ же: въ дальній путь онъ отправляется въ домашнемъ нарядѣ; спитъ охотнѣе на свѣжемъ воздухѣ подъ той же мѣховой курткой, которою прикрытъ днемъ и которую снимаетъ на ночь даже въ сильные морозы. Огонекъ нагрѣваетъ ему одинъ бокъ; къ нему же поворачиваетъ онъ и другой, настывшійся и прохваченный жгучей морозной болью. Якутъ только затыкаетъ шерстью носъ и уши, и прикрываетъ лицо, когда морозъ хватаетъ и его привычное и обтерпѣвшееся лицо. Постоянная ѣзда по дорогамъ, по которымъ якуты охотливо перевозятъ купеческіе товары (безъ этого народа сибирскій купецъ въ тѣхъ мѣстахъ ничего бы не сдѣлалъ), — постоянные разъѣзды изощрили у якута память: у него все на примѣтѣ, и кустъ, и дерево, и камень, и лужайка. Года пройдутъ, но якутъ своихъ

примѣтъ не забудетъ и ѣдетъ, руководясь ими и коротая время безустанно, безконечными и безтолковыми своими пѣснями.

Ловкій якутъ (у котораго бережливость до скупости и корысть до отвращенія — племенная добродѣтель) всегда держится въ лѣсахъ для лошадей и рогатаго скота. Обнищавшій переходитъ къ рѣкамъ и тогда получаетъ страсть къ собакамъ и на нихъ переноситъ ту любовь и заботы, которыми награждалъ прежнихъ товарищей своей невеселой жизни. Собакѣ отдаетъ кости рыбьи и свои объѣдки. Самъ никакой пищей не гнушается, тогда какъ живя въ селеніи, любитъ и сладкій кусъ: кобылье молоко сваренное съ мукой и сушеными ягодами, и тѣ же ягоды истертыя съ медомъ на манеръ городскаго пирожнаго. Якуты впрочемъ не столько лакомы, сколько обжоры: и у нихъ, какъ у вятскихъ, кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ. Самая лакомая и любимая пища якута — груда прогорклаго жира любаго звѣря: лѣснаго или морскаго безъ разбору.

Крѣпкіе тѣломъ, смугловатые лицомъ, съ черными волосами, якуты остались бѣдовать въ лѣсахъ Сибири въ то время, когда сродственное имъ племя тюркское ушло въ Европу, завоевало тамъ большія государства и подъ именемъ турокъ владѣютъ огромными пространствами земель съ двухъ сторонъ Чернаго моря. Якуты завладѣли прибрежьями огромной, но пустынной рѣки Лены, сидятъ и на тундрѣ, гдѣ суровый климатъ и скудная природа въ конецъ воспитала въ нихъ дикарей, особенно по берегамъ рѣки Хатанги. Собирая лѣсъ, пловучій въ весеннее водо-

полье по рѣкѣ этой, тамошній якутъ влачитъ свою жизнь хуже лѣснаго якута. И этотъ, убивая пушнаго звѣря, не самъ доставляетъ соболя и куницу своему родичу—турецкому султану, а черезъ чужія руки, которыя въ тоже время крѣпко держатъ его и медленно ведутъ къ просвѣщенію. Якутъ все еще дикарь и уступаетъ даже кочевому татарину, который бродитъ въ минусинскихъ степяхъ, и перехвастаетъ можетъ быть только вогула, который ведетъ бродячую жизнь въ лѣсахъ Западной Сибири, на границахъ съ Россіей.

Туда перенесемся и мы, черезъ всю Западную Сибирь, не встрѣчая на пути другихъ кочующихъ народовъ, которые могли бы остановить насъ и задержать. Таковы камачи, живущіе осѣдло на рѣкѣ Енисеѣ—народъ исчезающій и кайбалы, кочующіе въ лѣсахъ по верховьямъ той же рѣки—народъ, складомъ лица похожій на самоѣдовъ, а нравами и одеждою на татаръ. Объ остякахъ мы разсказали при описаніи «Мерзлой пустыни»; о кочующихъ татарахъ разскажемъ при описаніи «Русскихъ степей».

VI.

ВОГУЛЫ.

Худъ пермякъ, да два языка знаетъ.

Русское присловье.

Племя вогуловъ нѣкогда было такъ велико и сильно, что хаживало войной на сосѣдей, упорно противилось русской власти и изо всѣхъ русскихъ

инородцевъ показало сильнѣе другихъ упорство, когда стали вводить между дикарями нынѣшней пермской губерніи христіанскую вѣру. Перваго проповѣдника, епископа Питирима, замучили въ 1455 году; съ первыми завоевателями, пришедшими изъ Москвы, ратью въ 1485 г., вступили въ бой; были разбиты, покорились, послали своего князя въ Москву, обѣщали платить ясакъ, но все-таки продолжали жечь русскіе городки и селенія, и уводили жителей въ плѣнъ; въ 1582 году они подступили даже подъ городъ Чердынь. Когда казнили ихъ князя съ старшимъ сыномъ и главными родичами, вогулы притихли; но въ началѣ 17-го столѣтія пелымскіе вогулы опять нѣсколько разъ бунтовали и замышляли даже взять города Тюмень и Березовъ, и истребить всѣхъ тамошнихъ русскихъ. Когда въ 1715 году ѣхалъ къ нимъ проповѣдникъ слова Божія, они собрались на берегу, не пускали его лодку и грозили всѣмъ смертью.

Теперь вогулы — маленькое племя, которое съ трудомъ отличаютъ отъ остяковъ. Часть вогуловъ обрусѣла и пелымскихъ не распознаютъ отъ тамошнихъ крестьянъ: тѣ же дома, та же одежда, то же пьянство; разница только въ томъ, что, умѣя говорить по-русски, вогулы болтаютъ и по своему: оттого и знаютъ два языка, какъ говоритъ про нихъ тамошнее присловье. Они не пашутъ земли, любя жить дикарями, особенно тѣ изъ нихъ, которые кочуютъ по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта, не спускаясь къ югу ниже рѣки Чусовой и не поднимаясь на сѣверъ выше рѣки Усы. Въ верхотурскомъ уѣздѣ пермской гу-

берніи сдѣланы попытки ихъ усадить, что и приведено въ исполненіе по рѣкѣ Лозвѣ; но дремучіе лѣса и охота продолжаютъ сбивать ихъ съ толку. Завалясь за непролазными болотами и зыбунами, ихъ паулы дѣлаются доступными только тогда, когда зима намоститъ мосты. Зимой вогулъ оживаетъ: обмѣняетъ лѣсную добычу на вино и разгуляется: задеретъ нескладныя пѣсни, зашуркаетъ на своей самодѣльной домбрѣ по металлическимъ струнамъ, запляшетъ и раздерется. Если остались шкурки отъ размѣна, онъ купитъ сукна и холстовъ для себя, для жены и дѣвокъ. Хлѣбомъ онъ запасается прежде и высоко цѣнитъ этотъ продуктъ и потому, что умѣетъ сидѣть изъ него водку. Когда и откупъ господствовалъ, вогулъ подъ защитой лѣтней бездорожицы, въ родныхъ трущобахъ своихъ не боялся заниматься этимъ запретнымъ промысломъ. Тѣже трущобы пособили вогуламъ остаться самымъ грубымъ и дикимъ народомъ и не подойти подъ мѣрку даже съ сосѣдями своими, пермяками и зырянами. Хотя вогулы съ 1722 года и считаются крещеными, но охотно прикармливаютъ кудесниковъ-шамановъ и подъ рукой поклоняются какой-то деревянной бабѣ, навѣшивая на нее звѣриныя шкурки. Не такъ давно боготворилась ими около Пелыма огромная лиственница, а на рѣкѣ Кондѣ имѣлась кумирня, входъ въ которую всегда охранялся двумя вооруженными вогулами. Съ остяками вогулы одного происхожденія; живутъ счастливѣе ихъ и лучше тамошнихъ русскихъ съ хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ, которые доставляются къ нимъ по казеннымъ цѣнамъ. Рекрут-

ства не знаютъ, казенныхъ повинностей не правятъ. Преступленій между ними сроду не слыхано и воровство—замѣчательная рѣдкость. Къ этому остатку старины можно прибавить еще то, что нѣкоторые вогульскіе старики, хотя и рѣдко, но еще заплетаютъ до сихъ поръ волосы въ косу, на образецъ китайцевъ, бурятъ и тунгусовъ.

Вогулы вывели насъ изъ Сибири, за Уральскій хребетъ, на Русь—въ ближайшіе къ намъ лѣса, гдѣ перестала кочевать большая часть ихъ соплеменниковъ и мало-по-малу сливаются съ русскимъ народомъ. На Руси стоятъ дѣла иначе. Лѣсной кочевникъ большею частію сталъ осѣдлымъ и полуобрусѣлъ. Нѣкоторые народы до того слились съ русскими, что отличаются иные только языкомъ, другіе кое-какими странными обрядами и своимъ нарядомъ, а многихъ и вовсе не распознаешь отъ русскихъ: надо на то большое умѣнье и сильный навыкъ. Такъ напр. въ новгородской губерніи указываютъ на чухарей, какъ на остатокъ чуди; на озерѣ Галицкомъ на остатокъ народа мери и прочее. Но какъ чухари новгородскіе, такъ мерь костромская рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ сосѣдей: отъ стараго языка остались какіе-то клочки, какая-нибудь другая-третья сотня словъ, а странные обычаи и суевѣрныя примѣты все тѣ же самыя, какъ и у окольныхъ жителей, которыхъ завѣрное признаютъ всѣ людьми русскими.

Перевалившись вслѣдъ за вогулами черезъ Уральскія горы, мы очутились сразу въ сосѣдствѣ съ тѣми народами, которые хотя и дорожатъ дѣдовскими ста-

родавними обычаями, но больше другихъ стараются походить на русскихъ. Таковы на первый разъ пермяки и зыряне.

VII.

ЗЫРЯНЕ.

Упрямъ, какъ *рыжій* зырянинъ.
Зырянинъ рыжъ отъ Бога, татаринъ рыжъ отъ чорта.

Народныя присловья.

Пермяки, по имени которыхъ назвали цѣлый край и большую губернію, живутъ по сю сторону Уральскихъ горъ тамъ, гдѣ пермская губернія примыкаетъ къ губерніямъ: архангельской и вологодской. Просвѣщенные христіанствомъ св. Стефаномъ, пермскимъ епископомъ, умершимъ въ 1396 году, пермяки давно уже перестали кочевать и живутъ деревнями и въ избахъ обокъ съ кореннымъ русскимъ племенемъ. Большая часть ихъ обрусѣла до того, что многіе признаютъ ихъ за русскихъ, отъ которыхъ пермяки отличаются только тѣмъ, что помнятъ свой старый языкъ и между собою говорятъ на немъ. Коренныхъ пермяковъ немного, но если разсказывать и объ ихъ житьѣ-бытьѣ, обычаяхъ и нравахъ, то придется разсказать почти то же, что и про русскихъ. Дальніе русскіе считаютъ ихъ *колдунами*, прозываютъ *чортовыми знахарями* больше за то, что, живя по самымъ глухимъ лѣснымъ трущобамъ чердынскаго уѣзда, пермяки (столько же, сколько и тамошніе русскіе) вѣрятъ чорту и его темной силѣ.

Боясь колдуновъ, чердынцы вѣрятъ имъ, какъ знахарямъ и призываютъ, вмѣсто лекарей, для излеченія своихъ недуговъ. Оттого между ними и ведется много такихъ обманщиковъ и плутовъ, которые видятъ промыселъ и находятъ корысть въ надувательствѣ простодушныхъ земляковъ. Колдуны у пермяковъ замѣняютъ тѣхъ шамановъ, которые кормятся отъ простаковъ дикихъ народовъ, кочующихъ въ тундрахъ и сибирскихъ лѣсахъ. Пермяки все еще плохіе христіане.

Не таковы зыряне, въ особенности ижемскіе, живущіе по рѣкѣ Ижмѣ, впадающей въ архангельской губерніи въ Печору. Когда въ архангельской губерніи даже у тамошнихъ русскихъ большая часть церквей деревянныя и маленькія, у ижемскихъ зырянъ онѣ—большія и каменныя. У русскихъ священники одѣваются въ бѣдныя и вѣтхія ризы; у зырянъ въ церквахъ ризы глазетовыя, горятъ серебромъ и золотомъ, и играютъ цвѣтными камнями; иконостасы также залиты серебромъ и золотомъ. Пермяки ближніе и сосѣдніе родичи зырянъ живутъ въ черныхъ избахъ, ѣдятъ кое-какую пищу, которая больше тяготитъ, чѣмъ питаетъ,—ижемцы живутъ въ избахъ на два жила, изъ которыхъ верхнее изукрашено зеркалами, самоварами и московской посудой, скорѣе живутъ купечески, чѣмъ по крестьянски. Ѣдятъ зыряне почти всегда мясо и такую рыбу, которая славна на цѣлую губернію. Не довольствуясь ни тѣмъ, ни другимъ, ижемскіе зыряне, какъ забалованные люди, лакомятся недешевыми оленьими языками и губами, и дорогой осетриной, которую приво-

зятъ издалека, изъ-за Камня, т. е. изъ тобольской губерніи (изъ рѣки Оби). Пермяки живутъ больше дома, зыряне спознались съ торговымъ дѣломъ и стали способными и смышленными купцами: ведутъ торговлю пушнымъ звѣремъ даже съ такимъ далекимъ отъ нихъ городомъ, каковъ костромской Галичъ. Въ этомъ зыряне не только перегнали пермяковъ, но и оставили ихъ такъ далеко позади, что хоть и два языка тѣ знаютъ, но не догнать имъ упрямыхъ и рыжихъ зырянъ (которые тоже пожалуй—два языка знаютъ). Зыряне такъ ловки въ дѣлахъ своихъ, что, будучи лѣтъ тридцать тому назадъ въ пастухахъ при оленьихъ стадахъ у богатыхъ самоѣдовъ, они сами теперь стали хозяевами. Пошло на оборотъ: сдѣлались пастухами самоѣды, и недавній хозяинъ живетъ теперь по найму у прежняго своего работника. Пермякъ все еще вѣритъ чорту и на лѣсные пни надежду кладетъ: зыряне ижемскіе вѣрятъ больше деньгамъ и своему лукавству, а кончили тѣмъ, что отняли у самоѣдовъ почти всю тундру. Завелись между зырянами такіе богачи, у которыхъ гуляетъ въ тундрѣ головъ оленьихъ тысячъ по двадцати и больше. Нажили эти богатства архангельскіе зыряне не добрымъ промысломъ: они воспользовались тѣмъ, что самоѣды страстно любятъ вино и возили его бочками въ тундру, къ чумамъ этого простодушнаго племени. За кубокъ или полуштофъ сквернаго вина покупали и хорошихъ лисицъ, и песцовъ, покупали и оленей. На ласковое слово купили зыряне дружбу самоѣдовъ; на угощеніяхъ получили ихъ расположеніе и кончилось дѣло тѣмъ,

что самоѣды пропили тундру, зыряне стали богачами и отмаливаютъ теперь грѣхъ свой въ каменныхъ богатыхъ церквахъ. Живя больше дома, на сытой пищѣ, не утруждая себя тяжелыми изнурительными работами, ижемскіе зыряне плодятся сильно: села и деревни ихъ поражаютъ заѣзжихъ людей своимъ многолюдствомъ. Довольство и достатокъ отличаютъ зырянъ архангельскихъ отъ всѣхъ тѣхъ родичей ихъ, зырянъ вологодскихъ, которые живутъ еще полудикарями въ дремучихъ лѣсахъ вологодской губерніи (7 тысячъ душъ въ архангельской и 64 тысячи въ вологодской). Съ топоромъ за поясомъ ходятъ лѣсные зыряне на рубку лѣса: дровъ и бревенъ, и съ винтовкой за плечами на охоту за лѣсной птицей и звѣремъ, вездѣ тамъ, гдѣ не живутъ подлѣ нихъ покорные и раболѣпные самоѣды. Лѣсные зыряне и живутъ грязно въ своихъ высокихъ одноэтажныхъ избахъ (керкахъ), которые строятъ кое-какъ безъ плана и чистой работы. Домашняя утварь у нихъ грубой отдѣлки; ремеслъ никакихъ не знаютъ; до торговли не домерекались. Одѣваются не по-самоѣдски, какъ ижемцы, а по старинному такъ, чтобы легче было бродить по лѣсамъ. Одежду предпочитаютъ шить изъ невыдѣланной кожи, а суконное и льняное платье носятъ только дома. Въ пищѣ не разборчивы, кромѣ соли и капусты, никакихъ приправъ не знаютъ, щи съ говядиной варятъ рѣдко, но чаще съ дичиной. Противъ птицы настораживаютъ силки по пробитымъ лѣснымъ тропамъ, которыя по-русски называютъ путиками: ловятъ много чухарей (глухарей) и тетерекъ, а зырянскіе рябчики, называемые

кедровиками, почитаются лучшими въ цѣлой Россіи. Съ примѣра русскихъ ходятъ въ баню, но мыла не знаютъ и вообще живутъ очень грязно. Отъ грязи отстать не могутъ даже и богачи—ижемцы, у которыхъ только про гостей чистыя комнаты; нижнее житье про себя такая же курная керка, какъ у лѣсовиковъ. И какъ лѣсовики, такъ и рѣчные ижемцы слѣдуютъ патріархальному дикому обычаю, считать женщину за рабыню, но не за человѣка. Женщинъ зыряне не уважаютъ и сваливаютъ на нихъ всѣ тяжелыя и черныя работы; въ бесѣды къ себѣ не пускаютъ, совѣта не спрашиваютъ, даже молодежь въ играхъ веселится особо—парни своей кучкой, дѣвушки своимъ хороводомъ. Подгулявшій и подпившій зырянинъ буенъ, вспыльчивъ и мстителенъ безъ удержу, показывая тѣмъ, что лѣсная дичь сидитъ въ немъ цѣликомъ, не вывѣтрилась и только прикрыта купеческимъ нарядомъ, спрятана въ кое-какихъ русскихъ домовитыхъ обычаяхъ. Хотя зыряне и показываютъ большую наклонность къ русскимъ порядкамъ, однако все еще нельзя сказать про нихъ, чтобы они совершенно обрусѣли. Отдаленность жилъ ихъ и дикость мѣстъ, обитаемыхъ ими, сохранили въ нихъ кочевой духъ и старинный характеръ и наклонности. Между ними самымъ похвальнымъ и диковиннымъ можно почитать то, что зыряне, уходя изъ дома, замковъ не кладутъ и припираются запоромъ только противъ рогатой и плутоватой скотины. Между зырянами нѣтъ воровъ и, не считая за грѣхъ обидѣть самоѣда, они между собою честны, живутъ

дружно и согласно такъ, что и враги ихъ за это хвалятъ.

Зыряне привыкли пахать землю, полюбили отхожіе промыслы, чтобы въ чужихъ людяхъ набираться ума и знанія, и давно уже отличаются быстрою понятливостью и особеннымъ усердіемъ на тѣхъ работахъ, для которыхъ пошли въ наемъ. Всѣ эти добрыя примѣты убѣждаютъ насъ въ томъ, что зыряне скоро сольются совсѣмъ съ русскимъ племенемъ. Ближніе къ нимъ инородцы вятской губерніи — вотяки — давно это сдѣлали. Вотяковъ только по немногимъ примѣтамъ можно признавать теперь за особый народъ.

VIII.

ВОТЯКИ.

Вотякъ всегда Ванька.
Мѣстная примѣта.
На авось и хлѣбъ сѣютъ.
Вячки ребята хвачки: семеро одного не боятся, а кто больше съѣстъ,—тотъ и молодецъ.
Народныя присловья.

Бывало, и не такъ давно бывало вотякъ, когда случится какое-нибудь несчастіе въ домѣ, или болѣзнь приключится — бѣжитъ къ такому человѣку, который назывался туной и бывалъ у всѣхъ на почетѣ. Туна начнетъ, бывало, перекидывать синіе бобы по столу, или воткнетъ иглу въ краюшку хлѣба и скажетъ, что дѣлать. Вотякъ приказаніе его непремѣнно исполнитъ въ точности; да и не одинъ онъ: кудесникамъ повиновались цѣлыя селенія, и весь народъ во-

тяцкій вѣрилъ въ ихъ силу. Случался падежъ, нападала хворь на селеніе: вотяки хаживали на свои священныя мѣста въ лѣсахъ, называемыя кереметями, молили тамъ прадѣдовскихъ боговъ и приносили имъ въ жертву ту скотину, на которую указывалъ кудесникъ; по ихъ приказаніямъ и имена давались ребятамъ.

Теперь, когда родится у вотяка сынишко, вотякъ бѣжитъ къ священнику и проситъ его наречь парню имя. Вотякъ хлопочетъ только объ одномъ, чтобы имя попалось полегче: и не скупился, когда за любимое имя Ваньку просили пять золотыхъ, за Николку три золотыхъ. Вотякъ за деньгами не стоялъ, развѣ только вѣрный привычкѣ, упорно торговался. Торговался вотякъ потому, что онъ съ малыхъ лѣтъ бережливъ и по отцовскому обычаю деньги любитъ прятать въ кубышку или буракъ; буракъ этотъ зарываетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу въ землю. Отдаетъ вотякъ золотые, потому что рѣдкій изъ нихъ не собираетъ эту монету; рѣдкій вотякъ не знаетъ того, что деньги надо припасать для окружнаго и всякаго начальства. Дома онъ живетъ безъ затѣй: въ грязныхъ и курныхъ избахъ, ѣстъ неразборчиво, хотя и помногу, одѣвается въ домашняго выдѣла холстъ и сермягу и даже водку, вонючую и горькую кумышку свою, имѣлъ право и по закону гнать про себя дома. Скопидомъ-вотякъ мало покупалъ на сторонѣ, но много продавалъ въ люди и потому всегда былъ при деньгахъ. Гусями и утками наполнены всѣ деревни бережливыхъ до скупости вотяковъ; хлѣбопашествомъ они занимаются съ древнихъ вре-

менъ; пріурочились точить изъ дерева посуду: чашки, ложки, плетутъ грохоты, и съ тѣхъ поръ какъ сѣли въ лѣса — занимаются разведеніемъ пчелъ. Пчелиныя борти вотяковъ даютъ тотъ отличный медъ, который подъ именемъ сарапульскаго извѣстенъ въ продажѣ цѣлой Россіи. Вотъ откуда у вотяковъ деньги и къ нимъ же отъ прадѣдовъ великая бережливость, доводимая до скупости. Про скупость эту разсказываютъ русскіе тѣхъ мѣстъ цѣлые десятки забавныхъ анекдотовъ.

Бывало вотякъ, если кровно обиженъ сосѣдомъ, не задумается повѣсить ему сухую бѣду на ворота, т. е. просто повѣсится самъ, чтобы заставить соперника, послѣ смерти своей, тягаться съ судомъ, поплатиться всѣми золотыми и посидѣть въ тюрьмѣ, которой вотяки боятся пуще самаго шайтана. Теперь вотяки смекнули про настоящее: и сухой бѣды не слыхать между ними, и окружнаго и исправника не чтутъ за самыхъ наинабольшихъ, но знаютъ, что и на нихъ есть начальство. Глубокое легковѣріе и безсмысленная простота вотяковъ становятся сказкой, старымъ преданіемъ.

Многое измѣнилось у нихъ, но многое и осталось. По прежнему вотякъ глядитъ подслѣповатымъ, потому что живетъ въ чадныхъ избахъ, живетъ притомъ беззаботно и грязно, да еще въ-добавокъ къ тому любитъ курить тютюнъ изъ коротенькихъ трубокъ, и оттого всего чаще, и почти цѣлымъ племенемъ, страдаетъ глазами. По прежнему вѣритъ онъ злымъ духамъ, потому что не знакомъ еще съ добрыми и по прежнему не прочь еще кое-когда и кое-

гдѣ покудесить, оттого что русскіе приставники не умѣютъ еще ладить съ этимъ дѣломъ. Къ тому же и у вотяка, какъ у всѣхъ обитателей лѣсныхъ трущобъ русскихъ, сильно вкоренилась вѣра въ свои старыя повѣрья; по прежнему вотякъ сильно суевѣренъ. Русскіе успѣли его кое-отъ-чего отвадить, но такъ какъ не прилагаютъ къ этому старанія, то и плетется новое дѣло тихо и вяло, и оттого, что вотякъ самъ собою ведетъ его, самъ себя руководитъ. Бывалъ у вотячекъ обычай вплетать въ косы цѣлковые и другую серебряную монету на большіе праздники, да повадились собираться плуты и воры, стали обрѣзать эти деньги и съ косами прочь: оставили вотячки прабабушкины обычаи.

По-прежнему вотякъ домосѣдъ и только недавно потянулся въ работы на ближніе желѣзные и другіе заводы, но и то только зимой; лѣтомъ онъ въ родномъ лѣсу на пчельникѣ или на любезномъ полѣ у хлѣба, который охотливо покупаютъ у нихъ слободскіе, орловскіе и вятскіе купцы и отправляютъ этотъ хлѣбъ, черезъ Архангельскъ, за море, въ чужія земли.

По-прежнему у вотяка то и праздникъ самый любимый и веселый, когда на страстной недѣлѣ подойдетъ чередъ выгонять шайтана. Во всей деревнѣ отворяются настежъ ворота и двери; мальчишки и ребята мчатся на маленькихъ, кругленькихъ вяткахъ съ хворостинами въ рукахъ по улицамъ на дворы; заходятъ въ хлѣва, въ амбарушки, въ клѣти, вездѣ шарятъ хворостиной и отовсюду стараются выгнать бѣса.

Жену вотякъ, какъ и всѣ его сосѣдніе родичи финскаго племени, покупаетъ и потомъ крадетъ. И, сдѣлавъ женой, водитъ ее въ черномъ тѣлѣ, мучитъ ее, какъ рабыню. Одна утѣха у ней въ тяжелой долѣ (и у самого вотяка въ полудикой жизни его) напиваться до упаду своей кумышкой и русской водкой. Вотяки — какъ извѣстно — сильно пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ и въ добавленіе къ нимъ, выдумали еще новый опьяняющій напитокъ изъ своего знаменитаго меда. Терпѣливо выжидая его по нѣскольку лѣтъ зарытымъ въ песокъ, вотяки получаютъ потомъ такое зелье, которое обладаетъ двумя свойствами: быть пріятнымъ на вкусъ и отнимать въ ногахъ силу такъ, что съ одного стакана онѣ перестаютъ повиноваться.

Съ перваго взгляда вотякъ въ русскомъ нарядѣ мало отличается отъ своихъ православныхъ сосѣдей; но, вглядѣвшись, не трудно замѣтить, что одинъ человѣкъ похожъ на другаго: ротъ большой до безобразія, носъ съ широкими ноздрями приподнятъ кверху; волоса либо блѣдно-русые, либо совсѣмъ рыжіе. Ктому же вотякъ низокъ ростомъ, сутуловатъ, кажетъ какимъ-то болѣзненнымъ, словно трясла его долго лихорадка. Нѣтъ у вотяковъ такого разнообразія въ лицахъ, какъ у русскихъ, гдѣ одинъ человѣкъ совсѣмъ не похожъ на другаго и трудно найти двоихъ такихъ, которыхъ бы можно было назвать двойниками.

Въ древнія времена вотяки жили въ Сибири на рѣкѣ Енисеѣ, потомъ перешли на Каму. Здѣсь управлялись своими князьями. Тамъ, гдѣ теперь городъ Арской,

построили крѣпость; но пришли на Русь татаре и вытѣснили Вотяковъ дальше на сѣверъ въ дремучіе лѣса нынѣшней вятской губерніи. Тамъ вотяковъ всего больше—до 85-ти тысячъ. Въ казанской осталось немного (около 6-ти тысячъ) и очень немного живетъ вотяковъ въ губерніи оренбургской.

IX.

ЧЕРЕМИСЫ.

Черемиса, что миса: чистое и поганое пожираетъ.

Перваго черемиса лѣшій родилъ, оттого они всѣ въ лѣсу сидятъ.

Русскія присловья.

Въ густыхъ, сплошъ—чернораменныхъ лѣсахъ, покрывающихъ берега главныхъ притоковъ Волги (каковы Ветлуга, Кокшага и Кама съ Вяткой), и притомъ въ самой глубинѣ лѣсовъ этихъ засѣли черемисы—потомки нѣкогда сильнаго народа, кочевавшаго по Волгѣ и долго, даже послѣ взятія Казани, занимавшагося разбоями. Долговременныя сопротивленія черемисъ кончились однако тѣмъ, что народъ этотъ, стѣсняемый русскими, весь перешелъ на лѣвую сторону Волги и занялъ тѣ глухія мѣста, которыя лежатъ въ вѣковыхъ и дикихъ лѣсахъ губерній: костромской, нижегородской, вятской, казанской, оренбургской и пермской. На большую половину свою, при защитѣ лѣсныхъ трущобъ, бездорожицы и по рѣдкому населенію русскихъ въ сосѣдствѣ, черемисскій народъ остался при первобытныхъ

дикихъ нравахъ. Вездѣ тамъ, гдѣ лѣса порѣдѣли, проложены торговыя дороги и подселился православный людъ, черемисы, просвѣщенные христіанствомъ, значительно подались на новую сторону и потянулись за русскими. Чтобы окончательно обрусѣть, имъ еще надо много времени.

Ближніе черемисы живутъ въ русскихъ избахъ съ русскими печами, но безъ трубъ, такъ что дымъ выходитъ въ окна и двери, покрывая стѣны избы толстымъ слоемъ сажи. Сажу эту лѣниво счищаютъ, и потому въ избахъ черемисскихъ всегда грязно и неусидчиво; дверь избы, какъ у чувашъ и татаръ, всегда обращена въ сторону солнечнаго восхода. Какъ недавніе кочевники, черемисы не успѣли полюбить свои избы такъ, какъ осѣдлые русскіе, но любятъ еще устраивать, въ сосѣдствѣ, на столбикахъ клети, куда и перебираются всѣмъ семействомъ на все лѣтнее время. Какъ настоящіе лѣсовики, черемисы держатся похвальнаго обычая садить около своихъ жилищъ березы, липы, дубы и рябину, и потому деревни ихъ всегда кажутся красивѣе деревень русскихъ, у которыхъ всегда обрублены около всѣ деревья. По прежнему въ селеніяхъ своихъ черемисы не любятъ селиться въ кучу и деревни ихъ выше 30 дворовъ не имѣютъ. За то нѣсколько деревень всегда владѣютъ одной общей дачей. Община заведена у нихъ и въ хлѣбопашествѣ. Нѣтъ ея только въ пчеловодствѣ—другомъ любимомъ черемисскомъ промыслѣ. Поля обработываются съобща нѣсколькими деревнями вмѣстѣ: жатва дѣлится по-ровну между всѣми и добытое отъ земли продается (голо-

вой или каштаномъ) оптомъ. Пятую часть отъ барышей голова беретъ себѣ, остальное, за вычетомъ казенныхъ повинностей, дѣлится между всѣми. Одѣваются черемисы почти также какъ русскіе, но женщины придерживаются еще стариннаго наряда и украшаютъ свои головы высокой кичкой или безобразнымъ шлыкомъ. Къ тому же черемиски при маленькомъ ростѣ, весьма некрасивы; курносые, широколицые мужчины большею частію средняго роста, сложены стройно и крѣпко. Отъ природы племя это мало смышленое, вяло и медленно въ работахъ, но за то черемисы всѣ честны и воровство между ними считается большимъ преступленіемъ — воръ немедленно сдается въ солдаты всѣмъ міромъ и пользуется общею ненавистью и преслѣдованіями. Во враждѣ черемисы непримиримы и злопамятны. Этимъ они сильно отличаются отъ кроткихъ чувашъ.

Дальніе черемисы, живущіе въ дальней глуши лѣсовъ, отличаются отъ остальныхъ своихъ родичей тѣмъ, что еще до сихъ поръ сильно придерживаются язычества. Они вѣрятъ, что водятся на свѣтѣ злые духи и между ними самый злой — кереметь. Чтобы умилостивить его, надо ему жертвы, но какія, о томъ узнаютъ черемисы отъ особыхъ людей, которые слывутъ у русскихъ подъ именемъ колдуновъ. Принощеніе жертвы злымъ духамъ совершается обыкновенно въ особыхъ священныхъ мѣстахъ: на горахъ, на лужайкахъ въ лѣсу. Вмѣстѣ съ праздниками, принятыми отъ русскихъ, черемисы справляютъ еще свои всегда шумно, съ пѣснями, плясками, и сильной попойкой. Для послѣдней у нихъ имѣется свой

народный хмѣльной напитокъ, приготовляемый изъ молока на образецъ татарскаго кумыса.

Пасха начинается у черемисъ въ среду на страстной недѣлѣ; масляница справляется ими два раза: до-русской и вмѣстѣ съ русской. Передъ весенней пахотой справляютъ старинный, свой, языческій праздникъ на ближайшей горѣ между разложенными кострами. Въ это время съ головешками въ рукахъ они бѣгаютъ кругомъ костра и прогоняютъ шайтана (чорта). Во всѣхъ этихъ обрядахъ черемиски не имѣютъ права участвовать.

У дальнихъ черемисъ одинъ день недѣли почитается священнымъ, это—именно пятница (по татарскому примѣру). Въ этотъ день черемисы ничего не дѣлаютъ и считаютъ за большой грѣхъ работать: женщины не топятъ печей и ничего не стряпаютъ, а ѣдятъ все холодное.

Всѣ вообще черемисы женятся очень молодыми; нѣкоторые, по примѣру татаръ, берутъ еще другую, а иногда и третью жену. Жену черемисъ воруетъ, хотя и заговариваетъ ее за себя прежде, заплативъ калымъ (руб. до 60 сер.). Разводъ несогласныхъ супруговъ совершается при шести глазахъ, т. е. при шести свидѣтеляхъ.

Казанскіе черемисы (изъ которыхъ 52 тысячи крещеныхъ и 2 тысячи язычниковъ) отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что хитрѣе ихъ и упрямѣе, но въ тоже время приволжскіе черемисы лѣнивы и въ этомъ отношеніи значительно уступаютъ тамошнимъ татарамъ и русскимъ. Вообще черемисы еще до сихъ поръ очень дики и во многомъ походятъ на

всѣхъ тѣхъ лѣсныхъ народовъ, которые еще умѣютъ прятаться въ своихъ лѣсахъ и не умѣютъ торить дороги.

Не таковы самые ближніе сосѣди черемисскаго народа, другое инородческое племя — *чуваши*. Луговые черемисы грубѣе и глупѣе ихъ, горные черемисы крѣпче, виднѣе и развязнѣе своихъ луговыхъ соплеменниковъ, но чувашей не перехвастаютъ. Чуваши ушли дальше отъ всѣхъ лѣсныхъ обитателей. Привычный глазъ отличитъ ихъ по одному наружному виду: у черемиса кафтанъ бѣлый съ откиднымъ воротникомъ, онучи также бѣлыя; у чуваша— кафтанъ или сукманъ всегда сѣрый, а онучи черныя.

X.

ЧУВАШИ.

Чувашинъ — Василій Иванычъ.— Васька дома?» — А кто тамъ?—«Василій Ивановичъ.

Чувашка—черноногая барыня.

Чувашская лопатка. Отвѣтъ Чувашина: Русскій скребокъ.

Чуваши, хоть сто человѣкъ,—всѣ вмѣстѣ говорятъ.

Народныя примѣты.

Распознаютъ чувашей по ихъ тяжелой, неуклюжей походкѣ, которая у чувашекъ смахиваетъ на утиную, въ перевалку съ боку на бокъ. Всѣ они средняго роста, съ смуглыми лицами и съ немного выдавшимися скулами. Черные глаза глядятъ изъ узко-прорѣзанныхъ рѣсницъ и изъ-подъ узенькаго лба. Волоса у нихъ черные, либо черноватые. Но главное отличіе чувашей отъ всѣхъ сосѣдей черемисъ, татаръ,

мордвы и русскихъ состоитъ въ томъ, что чуваши смышленые, усердные и отличные земледѣльцы. Сами русскіе крестьяне не только сознаются въ этомъ, но даже вѣрятъ, что чуваши могутъ предсказать съ осени, каковъ будетъ урожай лѣтомъ. Такъ или иначе, но чуваши земледѣлію учились не у русскихъ, и не ими усажены на мѣсто. Когда зазнали ихъ русскіе, вскорѣ послѣ нашествія на Русь монголовъ (которые вытѣснили чувашей съ рѣки Волги и степей самарскихъ), чуваши жили осѣдло и занимались земледѣліемъ; особенно любили разводить хмѣль. И теперь чувашское поле всегда можно отличить отъ русскаго: нѣтъ на загонахъ каменьевъ (всѣ они свалены въ оврагъ), нѣтъ въ оврагахъ навоза (весь онъ лежитъ на поляхъ). Если продѣланы на межахъ канавки для стока воды, значитъ заботливый хозяинъ обряжалъ поле, значитъ—поле чувашское. Когда русскіе крестьяне ежегодно дѣлятъ между собою поля и въ надеждѣ на новое, не брегутъ о доставшемся, чувашъ отъ ревизіи до ревизіи сидитъ на одномъ мѣстѣ, не только свозитъ на свою полосу наземъ изъ всѣхъ хлѣвовъ, но еще покупаетъ сверхъ того таковой же у русскихъ крестьянъ. Въ концѣ-концовъ выходитъ то, что у чувашъ хлѣба родится больше и хлѣбъ этотъ лучше, чѣмъ у русскихъ — такъ это и извѣстно во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ чуваши и гдѣ все еще они продолжаютъ обставляться хмѣльниками. А живутъ они разбросанно и въ большомъ многолюдствѣ всего больше (до 300-тъ тысячъ) по казанской губерніи, потомъ (до 100-та тысячъ) по симбирской; свыше 57 тысячъ живутъ въ оренбургской и почти столько же

въ саратовской. До нашествія татаръ они жили въ кучѣ, всѣ вмѣстѣ, по правому берегу Волги, вдоль по ея среднему теченію. На тучныхъ земляхъ подлѣсья они выучились и такъ хорошо приготовлять пашни, и такъ усердно и внимательно за ними ухаживать. Въ то время, когда у татаръ и у русскихъ года по три — по четыре лежитъ хлѣбъ на гумнахъ — въ копнахъ, немолоченнымъ, ни одинъ чувашинъ безъ того не сниметъ хлѣба, чтобы тотчасъ же не приготовить его. Къ половинѣ сентября хлѣбъ у нихъ свезенъ на гумна; послѣ Покрова спѣшатъ его сушить и молотить, пользуясь и безоблачнымъ днемъ, и свѣтлою ночью. Къ Веденьеву дню (въ исходѣ ноября) хлѣбъ обмолоченъ и убранъ въ амбары даже у самыхъ лѣнивыхъ и маломощныхъ. Стоятъ овины пустые, обставленные для безопасности отъ пожаровъ съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, широкими лубьями и торчитъ на верху только одинъ снопъ изъ всѣхъ немолоченный, не въ насмѣшку сосѣдямъ русскимъ, а ради стараго обычая — жертвы небеснымъ птицамъ. Окончивъ тяжелыя работы, когда подвое, по-трое сутокъ кряду случается не смыкать глазъ, — чуваши начинаютъ *чуклэнья* свои или моленья о хлѣбѣ. По очередно ходятъ по избамъ одинъ къ другому пить изъ новаго солода и молодаго хмѣля домашное пиво и покупное вино; изъ новой муки пекутъ хлѣбы, изъ новой крупы варятъ кашу; каждый беретъ по кусочку хлѣба: половину съѣдаетъ, другую бросаетъ на печь; тоже и съ пивомъ, и съ кашей. За тѣмъ начинается пиръ, на которомъ, по русской примѣтѣ — хоть сто человѣкъ: всѣ гово-

рятъ вмѣстѣ, и который — по русскому обычаю — совершается почти также: пьютъ и ѣдятъ, и опять пьютъ, и опять ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока хмѣль и дрема не свалятъ подъ столъ. На праздникахъ чуваши отличаются отъ русскихъ только тѣмъ, что, по окончаніи обѣдни, сами обходятъ духовныхъ, не дожидаясь ихъ со крестомъ и водой, какъ это дѣлаютъ русскіе. Пляшутъ чуваши и подъ пузырь-волынку, не нужаясь ни въ балалайкѣ, ни въ гармоникѣ. Вообще чуваши охотно стараются походить на русскихъ и только женскій полъ продолжаетъ чуждаться и весьма не охотно и мало входитъ въ сношенія. Чуваши забыли про свои языческія керемети (священныя рощи) и вырубили ихъ; про старыхъ боговъ даже и говорить стыдятся. Обращенные въ христіанство (около ста лѣтъ тому), они все еще не вникли вполнѣ въ новую вѣру и все еще не понимаютъ того, въ чемъ состоитъ Христово ученіе. Сначала не ладили со священниками—жаловались на нихъ; теперь перестали. Цѣлыми толпами крестилъ чувашей іеромонахъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ и любилъ давать свое мірское имя—Василій. Воспріемникомъ былъ дьяконъ Иванъ Афанасьевъ, получившій потомъ мѣсто священника въ одномъ изъ чувашскихъ селеній. Вотъ отчего и стали всѣ чуваши—Васильи Ивановичи.

По прежнему, чуваши строятъ деревни въ такомъ безпорядкѣ, что кромѣ хозяевъ, никто не разберетъ, что кому принадлежитъ: гдѣ кончается одинъ дворъ и начинается другой. У Черемисъ деревни разбросаны на нѣсколько верстъ и отдѣлены другъ отъ

друга большими промежутками: у чувашей избы сбиты въ кучу; нѣтъ ни улицъ, ни переулковъ, только привычный ямщикъ не блуждаетъ. Черемисъ, какъ лѣсовикъ и недавній кочевникъ, все еще любитъ жить особнякомъ, чувашъ держится артели — безъ товарищей ни пива не пьетъ, ни въ извозъ не ходитъ, и только недавно бросилъ добрый обычай *добывать досд*, обычай, который одноренъ со стариннымъ русскимъ обычаемъ мѣняться крестами, чтобы въ крестовомъ братѣ пріобрѣсти себѣ дорогаго друга.

По нынѣшнему, чуваши распознали, что досъ изъ русскихъ братается не ради священныхъ правъ дружбы, но изъ видовъ корысти; подаркомъ плисовой шапки, либо двухрублеваго армяка надѣется пріобрѣсти одинъ-два улья пчелъ и притомъ лучшихъ, или корову, или лошадь въ отвѣтъ на подарокъ. Чуваши понимаютъ теперь, что окружной начальникъ не самое высшее существо подъ луною, что есть и старше и больше его, у которыхъ можно просить суда и защиты. Чуваши начинаютъ отдавать ребятишекъ въ школы: и число грамотныхъ между ними стало довольно значительно. Ребята, принимаясь за азбуку неохотно, скорѣе русскихъ привыкаютъ къ ней: въ годъ выучиваются бѣгло читать и свободно говорить по-русски. И теперь, чѣмъ чувашъ богаче, тѣмъ онъ ближе къ русскимъ и старается во всемъ походить на нихъ.

По старому скупы чуваши для себя и по привычкѣ дѣдовъ до сихъ поръ любятъ прятать деньги; въ пищѣ не привередливы: ѣдятъ либо житники, либо ржаной хлѣбъ и любимую яшку — кашицу изъ

воды съ крупой, либо съ борщовникомъ или снитью. По пословицѣ: былъ бы борщовникъ, да снить,— чуваши и безъ хлѣба сыты. Путу или кашу, иггучь или сыръ изъ творогу, лепешки и пиво подаютъ только гостю.

По старому чувашинъ, задумавшій жениться и получившій согласіе родителей, невѣсту не беретъ спроста, а крадетъ. Свадьбы правятъ особымъ обрядомъ, который чуденъ, но не чуднѣе свадебныхъ обрядовъ у русскихъ. Похороны также окружаются многими суевѣрными обычаями: по понятію чувашей души покойниковъ переселяются, послѣ смерти, въ собакъ. Принося на могилы много съѣстнаго, радуются, когда собаки съѣдаютъ все это. Оставленную на могилахъ одежду обираютъ русскіе, которые приходятъ на чувашскія поминки толпами. У тамошныхъ русскихъ нѣтъ хуже упрека, какъ сказать: «на тебѣ де и рубашка съ чувашскихъ мазарокъ (т. е. могилъ)!»

XI.

МОРДВА.

Мордва—полоротая.
У Мордвы двѣ морды (т. е. два языка), а шкура одна.
Мордвинъ въ коробѣ ѣздитъ.
Разъѣздился какъ мордвинъ на Богоявленье (отъ обычая въ крещенскій сочельникъ скакать на лошадяхъ съ гикомъ и кнутами, и выгонять шайтана или чорта со всѣхъ дворовъ и изъ всѣхъ угловъ).

Русскія присловья.

Мордва имѣла прежде и своихъ царей, и свою волю, которую долго отстаивала у русскихъ даже послѣ

покоренія царемъ Грознымъ Казани. Имѣла мордва и свой обычай, и свою вѣру, но теперь почти все растеряла въ конецъ; гдѣ живетъ, къ тѣмъ и пристаетъ. Въ казанской губерніи, около города Тетюшъ, разучились говорить по своему: мужчины говорятъ по-русски и по-татарски; мордовки — по-татарски. Мордва около татаръ отатарилась; около русскихъ живя, — обрусѣла. Во многихъ мѣстахъ мордвины не забыли своего языка и, выучившись русскому, во всемъ стараются походить на своихъ побѣдителей. Отъ стараго остались одежда красивая (особенно у женщинъ), телѣги не красивыя, да кое-какіе странные и старинные обычаи. Черезъ мордовское село не проѣдешь на Богоявленье, когда мордвины всѣ до единаго скачутъ по улицамъ, сидя въ своихъ коробахъ и впрягая всѣхъ своихъ лошадей по-очередно, чтобы шайтанъ (котораго они очень боятся) не смѣлъ на нихъ ѣздить. Не больше ста лѣтъ народъ мордовскій принялъ крещеніе, но все еще не прочь отъ старыхъ повѣрій и обрядовъ, какъ при свадьбѣ, такъ и при похоронахъ. Невѣстъ тоже крадутъ и выдаютъ калымъ или кладку: рублей сто или 70 за дѣвку. Дѣвка старше 25 лѣтъ стоитъ меньше. Раньше 20 лѣтъ мордовки замужъ не выходятъ. Съ покойникомъ тоже зарываютъ разныя любимыя народомъ вещи: табакерку, трубку, шило, деньги и даже вино: мордвины также вѣрятъ, что душа по смерти во всемъ этомъ крѣпко нуждается. Отъ язычества остались у нихъ также нѣкоторые годовые праздники, называемые молянами. Мордва празднуетъ въ началѣ посѣва, во время засухи, при концѣ жатвы,

при постройкѣ дома, и прочее. Любимая пища мордвы — горохъ и кислое молоко; любимое мясо — заячье, изъ котораго пекутъ особенные пирожки, слывущіе за мордовскіе. Прежде мордва почиталась племенемъ звѣроловнымъ; теперь отъ стараго остался любимый промыселъ пчеловодство. Землю обработываютъ они также давно, такъ и чуваши, и также трудолюбивы. Мордвинъ очень трусливъ и весьма уступчивъ, забывчивъ на обиды и не знаетъ мести. Всѣ ссоры и браки, по примѣру русскихъ, любятъ кончать здоровой выпивкой. Грязно живутъ и сосѣдніе русскіе, но мордвины ихъ превосходятъ: зимой живутъ вмѣстѣ со свиньями, овцами и собаками. Въ тоже время любимый мордовскій цвѣтъ бѣлый съ краснымъ. Женщины одѣваются въ длинную всегда бѣлаго цвѣта рубаху, украшенную полосами изъ кумача или вышитую красною шерстью или бумагой: одна полоса идетъ по подолу, другая отъ него идетъ къ воротнику, двѣ полосы на рукавахъ и плечахъ. Сверху рубашки мордовки надѣваютъ шампанъ, родъ халата съ узорчатыми фигурами на груди, вышитыми красными нитками, на головѣ онѣ носятъ шмычамъ, вышитый крупнымъ бисеромъ съ кистями; на шеѣ ожерелья изъ монетъ. Мордвины одѣваются какъ русскіе и на ногахъ носятъ лапти, привязанные длинными оборами до колѣнъ.

Мордва живетъ больше по берегамъ рѣки Суры и въ губерніяхъ нижегородской (около 39-ти тысячъ), пензенской (42 тысячи), саратовской, симбирской и казанской (въ послѣдней ихъ всего меньше). Всей мордвы считаютъ до 200-тъ тысячъ душъ.

XII.

КОРЕЛЫ и ЧУХНЫ.

Чудь бѣлоглазая. Лопь-сыроѣдцы. Колдуны.
Народныя прозвища.

Чудь въ землю ушла, живьемъ закопалась, подъ землей пропала.
Народное повѣрье.

Корельскій верстень: поѣзжай на весь день.
Народное присловье.

Весь сѣверъ нынѣшней Россіи, въ древнія времена, населенъ былъ многочисленнымъ народомъ — чудью. Когда и какъ пришла сюда чудь никому неизвѣстно; извѣстно только, что когда съ полуденной стороны наплывали новые народы, чудское племя тѣснилось ими. Чудь, какъ племя слабое, уступало новымъ пришельцамъ, вытѣснено было съ лучшихъ мѣстъ въ глушь дремучихъ лѣсовъ и болотистыхъ мѣстъ; самыхъ слабыхъ загнали въ мерзлую пустыню. Когда начиналась Русь, — чудь вмѣстѣ съ предками нашими новгородскими славянами призвала правителей изъ-за моря, жалуясь на то, что земля ихъ велика и обильна, но порядка въ ней не было. Чудь въ тѣ темныя и давнія времена была еще народомъ сильнымъ. Начала она терять эту силу послѣ присоединенія и подчиненія своего русскому племени. Въ то время, когда другую чудь, подъ именемъ финновъ, шведы, найдя на пути своемъ, тѣснили, жгли хижины, отбирали земли, гнали изъ лѣсовъ, — русскіе финны мало-по-малу сливались съ русскимъ племенемъ, тутъ же обокъ въ тѣхъ же дремучихъ лѣсахъ и на тѣхъ же болотахъ. Когда

сама Русь просвѣщалась Христовою вѣрою, — проповѣдовали христіанство и между финскими или чудскими племенами. Съ вѣрою они принимали и обычаи, и языкъ, и понятія. Въ концѣ-концовъ чудское племя раздробилось, стало жить на землѣ или слившись съ русскими или отдѣльными племенами, подъ названіемъ лопарей, кореловъ, чухонъ, эстовъ, ливовъ, латышей, вотяковъ и другихъ (о которыхъ мы и говоримъ въ своемъ мѣстѣ).

Про исчезнувшія чудскія племена осталось у русскаго народа только то странное преданіе, что чудь, замѣтивъ въ своихъ лѣсахъ внезапное появленіе бѣлой березы, означавшей владычество бѣлаго царя, испугалась: соорудила подкопы на столбахъ, забралась туда со всемъ своимъ скарбомъ, подрубила столбы и — погибла. Осталось ея имя въ курганахъ, городкахъ, въ вещахъ, выкапываемыхъ изъ земли (всего чаще въ Архангельской губерніи). Всѣ эти предметы и вещи носятъ названіе чудскихъ; чудью стращаютъ еще капризныхъ и плаксивыхъ ребятишекъ: вотъ и все.

Остальныя чудскія племена живутъ еще на землѣ подъ своими именами, въ средѣ другихъ сильнѣйшихъ племенъ, но такъ, что и они близки къ той судьбѣ, которая постигла ихъ предковъ, т. е. они должны слиться съ народами сильными. Финскіе народы, живущіе на Русской Землѣ и въ сосѣдствѣ съ русскими, каковы: лопари, корелы, вотяки крещены въ православную вѣру. Живущіе въ сосѣдствѣ съ нѣмцами въ губерніяхъ: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и въ Финляндіи крещены въ

христіанство лютеранской вѣры; сосѣдніе полякамъ обращены въ вѣру католическую. Въ обычаяхъ и во всемъ остальномъ каждое племя придерживалось обычаевъ и нравовъ своихъ сосѣдей и прежнихъ побѣдителей. И теперь, когда стали подвластны Россіи, они остались при тѣхъ же порядкахъ. Эсты, и ливы походятъ отчасти на нѣмцевъ, чухны на финляндцевъ, корелы, лопари, вотяки и зыряне — на русскихъ. Остались вполнѣ при старомъ своемъ только тѣ изъ чудскихъ или финскихъ племенъ, которыя сидятъ въ неприступныхъ мерзлыхъ пустыняхъ, каковы нѣкоторые вогулы, и всѣ остяки и юкагиры.

Всѣ эти народы схожи между собою цвѣтомъ волосъ, которые у всѣхъ свѣтлые: у нѣкоторыхъ свѣтлорусые, у другихъ, какъ у чухонъ, льнянаго цвѣта, который у многихъ становится краснымъ или рыжимъ, какъ у кореловъ, эстовъ, зырянъ и вотяковъ. Всѣ они средняго роста и крѣпкаго сложенія, но медленны и вялы въ движеніяхъ. Лица ихъ безъ особеннаго выраженія, а темно-сѣрые глаза глядятъ какъ-то тупо и вяло. Бороды у нихъ растутъ плохо, какія-то рѣденькія; щеки впалыя, цвѣтъ лица желтоватый, словно болѣзненный: на долю ихъ достались самыя нездоровыя мѣста, большею частію болотистыя. Ѣдятъ они дурно; неплодородная земля насылаетъ на нихъ частые голода; но и въ доброе время корелы и финны мѣшаютъ муку для хлѣбовъ съ заболонью сосновой коры, высушенною и истолченною въ порошокъ. Всѣ народы финскаго племени задумчивы, медленны, но настойчивы на своемъ до

упрямства; терпѣливо переносятъ лишенія и не заботятся о чистотѣ и удобствѣ жилищъ, объ опрятности одежды и посуды. Живутъ въ курныхъ избахъ и строятся охотнѣе особнякомъ, чѣмъ кучками. Только тѣ, которые сильно обрусѣли, начинаютъ жить деревнями, но и тогда одинъ дворъ стараются отставить подальше отъ другаго. Подобно всѣмъ непросвѣщеннымъ народамъ, они имѣютъ множество предразсудковъ и суевѣрныхъ обычаевъ и страстно любятъ старыя повѣрья и обычаи. Но во всѣхъ зародилось желаніе стать лучше и не походить во всемъ на стариковъ своихъ. Эти стремленія не прошли для многихъ даромъ.

Корелы въ Архангельской губерніи вблизи Бѣлаго моря приготовили такихъ плотниковъ, которые почитаются лучшими строителями морскихъ судовъ. Многія корельскія деревни въ той же губерніи и въ губерніяхъ Олонецкой и Новгородской славятся кузнецами вездѣ тамъ, гдѣ залегла болотная желѣзная руда: они выковываютъ даже винтовки не только для лѣснаго мелкаго, но и для крупнаго морскаго звѣря. Корелы во многихъ деревняхъ додумались, съ примѣра русскихъ, до мелкой торговли въ разноску и большими толпами уходятъ къ чухнамъ и въ окольныя страны Финляндіи съ коробами за плечами: торгуютъ не хуже владимірскихъ коробейниковъ или офеней.

Не такъ везетъ маймистамъ, прозваннымъ у русскихъ въ насмѣшку—чухнами. Они также пристрастились къ торговлѣ, но производятъ ее только продуктами домашняго хозяйства и только тамъ, гдѣ

завелись людныя жилыя городскія мѣста, въ особенности около новой столицы — Петербурга. Маймисты любятъ заниматься разведеніемъ рогатаго скота и домашней птицы, оттого и вся ихъ торговля вертится около этого дѣла: продаютъ молочные скопы, домашнюю птицу и лѣсную дичь. Славятся чухны умѣньемъ править рѣчными и морскими судами и въ Петербургѣ лоцмана и рулевые изъ чухонъ предпочитаются всѣмъ остальнымъ. Женщины охотливо нанимаются къ русскимъ въ прислугу, предпочитая обязанности кухарокъ всѣмъ остальнымъ.

Корелы отпускаютъ бороды, чухны нѣмецкимъ обычаемъ стараются ихъ бритъ, но брѣютъ такъ лѣниво и рѣдко, что чухна кажетъ вѣчно небритымъ. Корелы любятъ наряжаться въ длинополые русскіе армяки; чухны предпочитаютъ коротенькія полукафтанья и вообще легкій нарядъ на образецъ иностраннаго корабельщика. Корелъ походитъ на русскаго, маймистъ на нѣмца. Мятая шляпа на головѣ, куртка на плечахъ, жилетъ на груди, вѣчная коротенькая трубка въ зубахъ: вотъ обычный видъ чухонъ, шныряющихъ по петербургскимъ улицамъ. Къ этому можно прибавить еще то, что, ходя слѣдомъ за своими одноколками съ масломъ, яйцами и рыбой-салакушкой, чухны представляютъ изъ себя людей погруженныхъ въ себя самихъ глубоко: ни что ихъ не тревожитъ, ни что на улицахъ красиваго города не останавливаетъ вниманія, не удивляетъ, не смѣшитъ. Подвижнѣе, живѣе его его продажная рыба, его плохое молоко, которыя болтаются туго

привязанными на телѣгѣ. Чухна даже и съ дороги не умѣетъ сворачивать. Всегда, завалясь въ телѣгу, онъ лежитъ неподвижно и спитъ. Спитъ онъ въ дорогѣ, спитъ онъ и дома, оттого и не ушелъ такъ далеко съ тѣхъ поръ, какъ запомнили ихъ русскіе люди въ то время, когда еще не только Петербурга, но и бѣлокаменной Москвы русскіе люди не строили.

Корелы извѣстны были еще преподобному Нестору, писавшему лѣтопись о самыхъ первыхъ временахъ нашего отечества. Тогда же помѣстилъ онъ праотцевъ нынѣшнихъ чухонъ—ямь и ижору на мѣстахъ жительства нынѣшнихъ петербургскихъ майминовъ. Въ половинѣ XII вѣка сталъ извѣстенъ русскимъ народъ вотъ, остатки котораго живутъ и теперь между городами Лугою и Нарвою. Со временемъ забыли и о Вотской Землѣ и о народѣ вотн, стали называть ихъ земли Ижорскою или Ингріею. Въ 1740 году и ее переименовали въ губернію С.-Петербургскую. Всѣ эти остатки народовъ, подводимыхъ русскими подъ общее имя чухонъ, крещены въ православную вѣру, какъ и корелы. Остальная и большая часть чухонъ — лютеране. Собственнаго языка они не сохранили и говорятъ смѣшаннымъ языкомъ, изъ словъ нѣмецкихъ и финскихъ.

Собственно финны — обитатели нынѣшней Финляндіи, значительно удалились отъ своихъ родичей чухонъ: они несравненно развитѣе ихъ, хорошіе земледѣльцы, хорошіе хозяева и мореходцы. О Финляндіи мы будемъ говорить въ особой книжкѣ. Теперь скажемъ о другихъ ближнихъ родичахъ чу-

хонъ, о послѣднемъ народѣ финскаго или чудскаго племени: объ эстахъ или эстонцахъ и ливахъ.

XIII.

ЭСТЫ И ЛИВЫ.

Эсты и ливы составляютъ коренное населеніе губерній Эстляндской и Лифляндской, которыя и получили отъ нихъ свои прозванія. Всѣ они составляютъ сословіе крестьянъ, надъ которыми господами и владѣльцами были нѣмцы съ того самаго времени, какъ водворились они въ этихъ мѣстахъ. Эсты и ливы сдѣлали нѣмцевъ богатыми, а сами стали скрытны, недовѣрчивы къ нѣмцамъ. Эстонцы сверхъ того отличаются тѣми же самыми качествами, какъ и чухны: они сердиты, упрямы, преданы пьянству. Жилища ихъ не лучше медвѣжьихъ берлогъ; люди и скотина живутъ вмѣстѣ. Страшная неопрятность и повсюдная бѣдность бросаются въ глаза всякому. Мужчины и женщины одѣваются почти одинаково: изъ грубой темной матеріи шьется длинное верхнее платье; ноги обуты въ лапти. Языкъ ихъ бѣденъ словами, но пріятенъ для слуха; въ народѣ осталось еще много хорошихъ пѣсенъ и много старинныхъ обычаевъ и праздниковъ. На праздникахъ любимое увеселеніе эстовъ—качели. Главная промышленность и главное занятіе ихъ — земледѣліе; самый веселый праздникъ, праздникъ жатвы «далькусъ». Эсты крѣпкаго тѣлосложенія и способны къ самымъ тяжелымъ и труднымъ работамъ. Довольно-

ные собою нѣмцы — хозяева ихъ — не довольны эстами и называютъ ихъ народомъ весьма лѣнивымъ.

Ливы, живущіе главнымъ образомъ въ Лифляндской губерніи, въ количествѣ 2-хъ тысячъ душъ, населяютъ также и другую нѣмецкую губернію — Курляндскую. Малымъ отличаются они отъ эстовъ; живя близъ устьевъ рѣки Салиса и по берегамъ Рижскаго залива Балтійскаго моря, ливы стали смѣлыми мореходцами: на небольшихъ судахъ не задумываются ходить даже въ Петербургъ, гдѣ продаютъ рыбу. Но какъ эсты, ливы также живутъ въ невѣжествѣ, въ дымныхъ и смрадныхъ хижинахъ, освѣщенныхъ по зимамъ сосновой лучиной.

Не таковы латыши или летты — народъ инаго племени литовскаго, хотя и близкіе сосѣди эстовъ и ливовъ: отъ сосѣдства осталось то, что ливы всѣ говорятъ по-латышски, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эсты начали даже мѣшаться съ латышами. Нѣкогда литовское племя было многолюднымъ и сильнымъ племенемъ. Нѣкогда были таковыми и эсты, которые на первыхъ порахъ оказали нѣмцамъ упорство и за то лишены были всѣхъ земель своихъ и подвергнуты были рабству. Ливы и латыши покорились имъ добровольно и потому не потеряли ни земель, ни имущества. Теперь и латыши, и ливы, и эсты — племена покоренныя.

XIV.

ЛИТВИНЫ И ЛАТЫШИ.

Литва беззаконная, долгополая, сиволапая, поганая.
Литвины: мякинники, гольтепá; литовскій колтунъ. Лапотники. Магерки (за бѣлыя валяныя шляпы).

Народныя прозвища.

«Это видно рѣшота гономъ гнали (сказалъ литвинъ, глядя на лапотный слѣдъ по дорогѣ).
«Развѣ лихо возьметъ литвина, чтобъ онъ не дзекнулъ».

Народныя присловья.

Кругомъ вода: въ серединѣ бѣда.

Туземное прозвище мѣстности.

Когда пришла литва на нынѣшнее свое мѣсто — не извѣстно; въ IX вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ она уже сидѣла тутъ, гдѣ теперь западныя русскія губерніи и дѣлилась на три племени: пруссовъ, литву или литовцевъ, и леттовъ или летчаловъ. Летты назвались потомъ латышами. Литовцы всегда отличались воинственнымъ духомъ и успѣли составить особое княжество, которое долгое время существовало независимо и вело равную и долгую борьбу съ царствомъ Московскимъ и королевствомъ Польскимъ. Латыши, болѣе мягкіе и уступчивые, не добились до независимости и всегда подчинялись сильнымъ владѣльцамъ.

Латышъ находился въ вѣчномъ рабствѣ: изъ робкаго и мягкаго сталъ совсѣмъ безхитростнымъ и раболѣпнымъ. Они ласковы и откровенны, но недовѣрчивы ко всему чужому и ко всякому чужому. Они непостоянны и нерѣшительны; часто не дер-

жатъ слова и не умѣютъ показать такой настойчивости и упрямства, какимъ отличаются напр. эстонцы. Эстъ злопамятенъ и мстителенъ: латышъ при первой ласкѣ забываетъ обиду. Эстъ драчливъ, латышъ миролюбивъ и добродушенъ; за обиду осыпаетъ противника ругательствами, но кулакомъ владѣть не умѣетъ. Въ домашнемъ быту латыши опрятнѣе эстовъ и женщины ихъ стыдливѣе бабъ эстонскихъ. Латыши вообще честны; покражи между ними рѣдко случаются. Они показали большую охоту идти впередъ и уже давно обнаруживаютъ сильную потребность къ ученію и сильную наклонность къ чтенію (газета, издаваемая на ихъ языкѣ, разбирается на расхватъ). Угнетенія благородныхъ бароновъ развили въ латышахъ сильную страсть къ тяжбамъ и въ тоже время задержали въ народѣ этомъ сильную привязанность къ стариннымъ обычаямъ.

До сихъ поръ латыши не любятъ селиться вмѣстѣ и образовывать селенія: всякій латышъ располагаетъ свой хуторъ отдѣльно ото всѣхъ, и живетъ въ немъ бережливо, умѣренно: ѣстъ что уродитъ огородъ, и любитъ больше всего молочную пищу. Прежную страсть къ вину покинулъ, за то полюбилъ пиво и какъ чухны и, эстонцы, рѣдко выпускаетъ изо рта свой коротенькій, прокуренный насквозь чубучокъ. Одѣваются латыши почти также какъ эсты, и только въ окрестностяхъ большихъ торговыхъ городовъ зажиточные латыши смѣняли свое недорогое и простое платье на нѣмецкое. На

свадьбахъ любятъ попировать, а изъ праздниковъ больше всего любятъ Ивановъ день.

Сколько ни старалось нѣмецкое духовенство, латыши остались въ высшей степени суевѣрными, хотя они отъ многихъ повѣрій и обычаевъ успѣли отстать и отвыкнуть. Разница, которая существуетъ между латышами той или другой губерніи, не большая. Разнится всего чаще нарѣчіе. Какъ въ языкѣ литовскомъ, такъ и въ языкѣ латышей насчитываютъ большую половину словъ русскихъ (говорятъ около $^2/_3$) и латышскій языкъ, какъ и русскій, богатъ поговорками и пословицами.

Число всего литовскаго племени, говорятъ, простирается до 2-хъ милліоновъ душъ; изъ этого числа латышей насчитываютъ до 900 тысячъ.

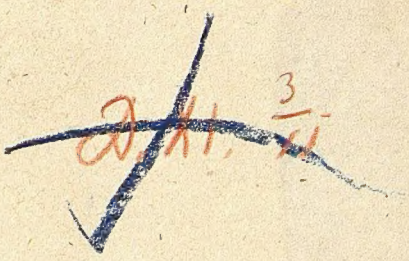
Литовцы въ губерніяхъ Гродненской и Виленской смѣшались съ поляками, но въ Ковенской и Курляндской племя это сохранилось чище и удержало свой языкъ. Литовцы частію православные, частію католики. Главное занятіе у нихъ — хлѣбопашество, пчеловодство и обработка льна, которымъ сильно торгуютъ нѣмцы и русскіе въ Ригѣ съ иностранными государствами. Литовцы, смѣшавшіеся съ поляками, большею частію весьма зажиточны; жилища ихъ опрятны и не похожи на латышскія. Съ литовцами намъ приведется встрѣтиться въ то время, когда станемъ говорить о сосѣдяхъ ихъ, русскихъ людяхъ — бѣлоруссахъ.

Коренные литовцы больше всего сохранились въ томъ поколѣніи своемъ, которое носитъ названіе самогитовъ или жмуди. Число всего народа жмуд-

ской отрасли, говорящаго самогитскимъ языкомъ, простирается до 500 тысячъ. Жмудь составляетъ сердцевину всего племени Литвы, и рѣзко отличается ото всѣхъ остальныхъ отраслей многочисленнаго литовскаго племени.

Начавши разсказъ нашъ на богатыхъ пушнымъ звѣремъ лѣсахъ сибирскихъ, по лѣсамъ Великой Россіи, воспитавшихъ здоровое русское племя, мы дошли такимъ образомъ до нездоровыхъ, болотистыхъ лѣсовъ Западной Россіи. Здѣсь дурная стоячая вода, которую пьютъ мѣстные жители; дурной хлѣбъ пополамъ съ мякиной, которую ѣдятъ и русскіе, и литовцы; сырыя жилища, выстроенныя на мокрыхъ и сырыхъ мѣстахъ, зарождаютъ особенную болѣзнь — болѣзнь волосъ, называемую колтуномъ. Желтыя болотныя лихорадки, самыя губительныя здѣсь — нерѣдкія гостьи. Желтыя и блѣдныя лица, въ которыхъ нѣтъ ни кровинки, впалыя щеки, тусклые глаза, нижняя часть живота опухлая, и вялая походка: одни изъ частыхъ признаковъ, по которымъ можно узнавать обитателя бѣлорусскихъ болотистыхъ лѣсовъ.

Вся особенность лѣсовъ этихъ заключается только въ томъ, что въ пружанскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи находится заповѣдный лѣсъ, или такъ называемая Бѣловѣжская пуща. Въ этомъ отчасти сосновомъ, отчасти еловомъ лѣсу, выросшемъ на ровной песчаной почвѣ, испрорѣзанной рѣчками и ручьями, водится особая порода звѣрей, называемыхъ зубрами. Бѣловѣжская пуща единственное мѣсто въ

Европѣ, гдѣ еще ведется до сихъ поръ эта порода дикихъ быковъ, которая нѣкогда водилась во всѣхъ болотистыхъ лѣсахъ умѣренной Европы (теперь живетъ только на кавказскихъ и карпатскихъ горахъ). Животныхъ этихъ въ пущѣ тщательно сберегаютъ и внимательно за ними досматриваютъ.

Тамъ, гдѣ кончаются русскіе лѣса, начинаются травяныя степи, на смѣну которыхъ выходятъ степи песчаныя. Тѣми и другими богато русское царство; тѣ и другія населены народами чужихъ племенъ, но подвластныхъ Россіи; а потому мы оставляемъ лѣса, чтобы въ слѣдующей книжкѣ повести разсказъ о народахъ нерусскаго племени, населяющихъ русскія степи.